

Хитера. Последний поход.

Эд Кузиев

Annotation

Вторая и заключительная книга про противостояние Светоча и Химеры. Герою предстоит узнать новые тайны, зачастую неприятные. В поисках Правды, его путь проведёт в Пустоши, где и решится судьба мира.

Эд Кузиев

Химера. Последний поход

Глава 1. Крестный

Рассвет нового дня Я встретил в натопленных комнатах лечебницы, в минувшую ночь меня не мучали кошмары, и боль, стараниями двух Дев, пошла на убыль. Быстро обмывшись холодной водицей и прошептав короткую молитву во славу Отца и Матери, готовился к длинному пути домой. Сборы были скорыми, да и добра много не нажил, собрал в заплечный мешок новые травы и отвар, что вновь приготовила Анна. Перевязал лентой для волос поврежденный дневник да затянул шнурок сумы. Покрутив в руках костяной наконечник, доставшийся от Любомира, улыбнулся мысли, что есть на продажу второй трофей для Ситни. Обмотав кисточку тряпицей, закинул его в голенище сапога, во второй сапог уложил подарок от горбуна, затем прошёлся ладонью по ожогам на лице и оправил одежду. Спрятал под капор обожжённую голову, да разложил по карманам награду от Князя, вот и все сборы. Пришло время прощаться и поблагодарить всех тех, к кому успел привязаться. В первую очередь направился к бывшему немому, Георгию, что оказался весьма замкнутой и таинственной личностью, что почти ничего о себе так и не поведал за время, что Я с ним общался. Я протянул ему руку для прощания, на что он сгрёб меня в охапку, крепко сдавил плечи. С трудом подбирая слова и вставляя длинные паузы, ответил мне на прощанье:

– Милостью богов ты встретился на моём пути. Излечил от душевной раны и дал новую жизнь... Ты пробудил меня своим даром... Да встретишь ты полный рассвет.

– Благодарю за тёплые слова и за спасение из горящего дома. Направь свои силы на приумножение добра, да придут с тобой милость Отца-Грозное Небо и благодать Матери – Сыры Земли. Прощай. – Скупое ответил Георгию, но многие слова Мужам и не нужны.

Повернулся к Анне, глянул в её покрасневшее от слёз лицо, мокрые глаза и шмыгающий носик-пуговку. Улыбнулся Травнице, прижал её к груди и поцеловал в наморщенный лоб.

– Будь здрава и не разменивай время, отведённое тебе только на лечение хворых. Живи полной жизнью. Пусть Мать-Сыра Земля приоткроет тебе тайны трав во благо Люда. Прощай, Травница Анна.

– Надеюсь, подготовленные мной сборы помогут твоей сестричке. Возвращайся скорей, только волосы отрасли, а то страшен, как нелюдь, – горько пошутила Дева и отстранилась.

Я поискал глазами по лечебнице Ведьму, не найдя искомое, горестно вздохнул и пошёл на выход.

На улице было оченьлюдно. Все те, с кем пересеклись тропинки Судьбы, были на небольшом дворе. Богдан со своим десятком. Служки Детинца и Китеж-града, случайные зеваки. Поодаль брат Сет и Адель о чем-то общались. Привычно нырнув в Дар, оглядел Людей. Вои держались вместе, потому раскрашены были почти одинаково. От них тянуло лёгкой радостью избавления от груза и предвкушением ратных подвигов. С моим появлением они простительно склонили головы, но Я видел их окрас, лишь Десятник и Борис светились грустью, остальные были напряжены. Что ж, Я чужд им и непонятен. Толпа горела любопытством и ожиданием чуда. Всего двое были чрезмерно дёрганными и бросали

тревожные взгляды вокруг, то были мои знакомые убийцы, что встретил на Ладье. Коротко кивнув и приложив ладонь к груди, дал знак, что Я их заметил и помню обещанное слово. Затем наступило время прощаться. Вои хлопали по плечам, пожимали руки, неудачно шутили и желали доброго пути. Зеваки же старались коснуться или просили благословения, чем сильно меня смущали. Остались лишь двое: моя спутница Адель и встречающий храмовник, что, как и раньше, чадил чёрным дымом от потерянной конечности и глядел острым, пронизывающим взглядом. Увидев моё смущение, хмыкнул и произнёс:

– Прощайтесь. Я подожду ещё немного.

Ведьма подошла ко мне медленно и плавно, положила голову мне на грудь и часто задышала. Я чувствовал её горячее дыхание и трепет от предстоящей разлуки. Мы стояли продолжительное время молча, слова нам были не нужны. Всё закончилось внезапно. Адель отстранилась, быстро и горячо поцеловала, а затем, не оборачиваясь, пошла к дому, где упала в объятия Анны. Я низко поклонился всему Люду и развернулся к брату Сету.

– Ну, здравствуй, крестник. Пойдём скорее, поедим и поговорим по дороге. – После этих слов храмовник развернулся и направился к воротам.

Я последовал за ним, напоследок оглядев детинец. В окне мелькнула чёрная тень Князя, что провожал меня тяжёлым взглядом. Я был первым и единственным, что нарушил его приказ о высылке из Китеж-града. Стража на воротах при моём появлении начала стучать древками копий по мощённой мостовой. В противовес их ударам, нарушая торжественность момента, натужно скрипели удавки висельников да каркали на поживу вороны...

По лесной дороге шли не торопясь, насколько позволяла прыгающая походка старшего брата. Пар вырывался изо рта, поднимаясь облачком вверх, где пропадал, слившись с серой утренней дымкой.

– Пока есть время, необходимо поговорить о том, что случилось, младший брат Босик. В эти края нет ходу жителям городищ. Лишь гварды и Септории могут сюда заходить, не нарушая Запрет. Согласно положению, принятому в своде Храма, Я должен тебя казнить. Что скажешь, Светоч?

– Старший Септорий отдела Дознания Олег посвятил меня в сан младшего септа под именем Бос Путевой. Причинами моего появления на Южных землях были похищение людьми Князя и поиск убийцы. Но Я всецело полагаюсь на мудрость старших братьев и готов понести заслуженное наказание.

– Правильные слова, сынок. А теперь поговорим о том, что ты тут узнал или услышал и как обстоят дела на самом деле. Не хотел бы Я, чтобы в тебе было сомнение. – Старик глубоко вздохнул, собираясь с мыслями. – Начнём с появления Городищ. После Исхода было много лжи и греха. Люд одичал и искал себя в новом Мире, сбиваясь в стаи и племена со своими правилами и законами. Каждый род жил обособленно и решал все свои сложности в одиночку. Позже, дабы разбавить кровь, племена начали меняться невестами, а кое-где и жёнами. Со временем такие рода связались в общины и верфи. Так и появились первые крупные посёлки: соплеменникам было проще строить свой быт и отражать нападения врагов и зверья большим числом. Но Север породил новых тварей, что пёрли нескончаемым потоком, и народ переселялся южнее и южнее, сбегая от напасти, пока не упёрся в Жёлтое море с его имамами, халифами и жадными до рабов кочевниками. Так и застрял Люд посреди Севера и Юга, страдая от невзгод и набегов с обеих сторон. Многие тысячи сложили свою голову в борьбе за выживание супротив Орды и изменённых, пока однажды, на совете

больших и малых племён роды Берендеев и калеченных, посёлки Афанасьевых и Горельских не встали, как один, на защиту земель. На том вече было принято решение о разделении земли руссов на кромешников и земельщиков или иначе о возникновении опричнины и земщины. Первые – от слова кромка, так как ушли к кромешной тьме, пробивая путь на Север огнём и мечом, все вои и ярые. Оставшиеся на землях были люди честного труда, что без оглядки на тревожный лес могли растить урожай, делать инструмент и оружие, воспитывать детей. В те времена каждый третий муж из земщины ушёл в поход, а Берендеи, горынычи и афанасьевы люди сорвались со своих мест от мала до велика. Раз в месяц земельцы отправляли обоз с провизией и оружием на Север, каждое вновь присоединившееся племя должно было выставить от себя третью часть мужей. Такова была цена защиты от Юга, зверья и Орды. И платили её охотно. Кромешники или опричники, от слова опричь (кроме), как они себя сами назвали, пёрли вперед, оставляя за собой лишь сожжённые ульи Орды и малые лагеря со стенами, в которых отлёживались раненые и хворые и находили приют обозники. Стоило болезни и ранам отступить, бросали мирную жизнь, бежали на Север, ибо без сечи и огня более жить не могли. Сильно увечные оставались в лагерях, выращивая новую смену новиков, передавая им знания борьбы с Ордой и о жизни по новому Уставу. За пятьдесят лет вои продвинулись далеко, каждый год отбивая всё новые и новые земли... Наконец, устав от сражений, разбили три града на пути Орды, Горынычи правее нас, далее – Афанасьевы люди. Наше городище основали калеченные. Берендеи вернулись в леса, живя в согласии с книгой Велеса. – Тут брат Сет замолчал, выбирая слова. – Много зим прошло с тех пор, а земельцы по-прежнему шлют обозы с одеждой, инструментом и оружием. Мы всё так же стоим на рубежах мирной жизни, выжигая язвы леса и откидывая тварей назад, в топи и ледники.

– А Чистый Четверг к чему и ясли для сирот?

– То была сделка. Нашими руками убрали всю грязь с Земельщины, а сироты... Сироты к нам приходят токмо увеченные, от которых родичи отказались, а горынычи и афоньки принимают только мастеровых детей. Хе-х, сынок. У каждого своя правда, а вот истина одна. Трудно судить о мече, когда ты землеша, потому и взгляд у них на многие вещи иной. То, что у нас даётся с большим трудом, например, посеять гречу или овёс, им не в тягость. Но и порядка у нас больше и народ честнее. Хотя, как Я разузнал, ты и в городище смог грязь найти. – Брат покачал головой, погрузившись в свои мысли, затем продолжил:

– А последние лет десять и вовсе тяжко стало. Земельцы отказываются дань платить, а в каждом граде свой князь или царь, что законы устанавливает. Только торговля и откупные за ссыльных получаем, так как больно давно в мире и спокойствии живут. А раз угрозы с Севера не чувствуют, значит, её и нет вовсе. Под Омском один князёк так и сказал: что вы мне эти кости привезли как отчёт? Живую тварь хочу, а то непонятно – от козла тебе принесли мослы или, может, собачины какой. Курва...

– Как порешали?

– Снарядили ветеранов из лагеря для отчёта. А вои осерчали, ну и решили по-своему сделать. Волколака ему в детинец кинули, клыки да когти посшибав заблаговременно, дабы ущерба не принёс. За ночь, считай, вся охрана, сам боярин и его челядь пол терема обгадили, кха-кха. Голову опосля по утру срубили зверю, как подарок оставили. Новость быстро разлетелась, после никто и не спрашивал, как мы землю обороняем. Кажись, решили всё, а вот прошло немного лет, опять вопросы появляются, нужно ли кормить Север. И так, на подножном корме, травой да отравой питаемся, ну не считая Благородных. На сей раз ты

спомог, почитай, года на три вперёд разговоров будет о Святоче из Городища. А раз было чудо, значица и беда есть. А не поймут ежели, то можно волчонка и с клыками пустить в этот курятник. Гряземесы одни, душонка пустая, как пузырь на болоте, зато вони и гнили, как со всей топи. Сплюнул бы, да грех не хочу из-за этих дураков пред Матерью брать. Разжирели, расслабились. На сотню люда хорошо если десяток воев наберётся. У нас иначе: новиков с семи лет к ратному делу представляют, а с двенадцати – уже в лагеря берут. Болтаю много. Давно один хожу, никак наговориться не могу. Может, вопросы какие есть?

– Это Любомир Вас так изувечил?

Старший брат сбился с шага и остановился. Самообладание быстро вернулось, но на короткий миг Я узрел искорки злости, обиды и лютой ненависти. Сделав следующий шаг, ветеран ответил:

– Это северная пустошь, сынок. Там много зла. На многие лета грязи, не отмоем, не отмолим никак. Но вопрос твой меня удивил, мало кто знает, что Я видел Химеру.

– И почти никого, кто знает, что вы его спасли от обезумевшего Стража, – тихо произнёс Я, тотчас укорив себя за длинный язык.

– Что ты сказал, щенок? Откуда такие хулёные мысли в твоей лысой голове взялись? – не на шутку взъярился старший брат.

– Увечья на Вашей ноге носят характер раны, то не перелом или болезнь. Через разные расстояния одинаковым оружием нанесены порезы. Септ Олег учил меня, как определить, каким способом вбили жертву, а в голенище моего сапога лежит прощальный подарок от Химеры, костяная косточка с хвоста. На моём плече и теле такие же порезы, как и у Вас. Не нужно быть большого ума, чтобы сопоставить очевидное. Я видел Любомира в мою последнюю ночь в таверне. Он пришёл потешить своё самолюбие и указать на мою слабость пред ним. Хвала Отцу и Матери за заступничество, не дали вражине совершить злодеяние.

– С доводами согласен. Лгать подобные тебе не могут, но такие подробности ты мог узнать только лишь... – Ветеран вновь остановился, резко развернулся и сверлил меня глазами. – Всё сводится к тому, что ты его и впрямь встречал, и мило пообщался. Покажи свой трофей.

Я потянул кисточку из сапога, развернул тряпицу и протянул брату Сету. Тот брезгливо осмотрел её, да отвернулся. Вида не показал, но Дар не обманешь, настроение у брата поднялось, и зашагал он не то, чтобы быстрее, но увереннее.

– Брат Сет, а почему мы не на телеге или водой пошли бы?

– Вода больше не безопасна. Сейчас черти на гон пошли, не то, что на лодки, на топляк кидаются. Опять же ветер поднимется на днях. Телега не пройдет и верст двадцать – дороги все расхлябаны до первых морозов, да и службу нести нужно. Твой дар и мой опыт многое укажут. Если орды нет, не значит, что нежити не будет. Последователи Мары тут лихо плодят. А сейчас их время, пока Солнце силу не наберёт. Ради власти над миром такие непотребства совершают, что руки опускаются. Порой Орда честнее люда, да и тварь – враг привычный, а вот люди с грязной душой порой хуже изменённых... Луковицу будешь?

– А как же отправленные ссыльные от Князя водой пошли?

– А кого отправили? Изменников и весь их род. Ежели потонут, так тому и быть, горевать никто не будет. Мореманов жаль только.

– Почему городища по единому виду построены?

– За пятьдесят лет войны строить научились быстро и качественно. Дабы не путаться в устройстве лагерей, их создавали по одному образцу. Лагерь на сотню похож на узел для трёх

сотен, только меньше. Городище на тьму отличается только размером, высотой стен и количеством вспомогательных зданий, таких как дьяков дом, стряпчие службы, золотарей дом, срамный дом. А в остальном – то же расположение. Сразу увидишь чужаков и пришлых, что не знают, куда идти, и спрашивают дорогу. Рыночные и торжище всегда удалены от града, ибо наше дело оборонять и воевать, а торгоши пусть в поле за монету бьются, исключение – корчма и лавки стряпчих, они скорее ремесленники, чем торговцы. Не люблю Я последних: то ещё сучье племя. Ежели бы не спомогали малым посёлкам с обменом, то гнали бы их на юг. А так, с паршивой куслицы хоть кожи клочок.

– Но ведь Я видел в нашем городище Старые здания, те, что ещё до Исхода стояли.

– Эх, малец. Так и места для строительства не абы как выбирались. Наличие чистой воды, близость леса и полей, да и более-менее сохранившиеся дома – всё подспорье и Люду легче.

Уже стемнело, как мы добрались до трактира. Кособокое двухэтажное здание с пристройками слабо освещалось двумя масляными светильниками. Перед самым входом ветер швырнул в лицо первый колючий снег, заставив поёжиться да повыше натянуть ворот. Добротная дверь со скрипом отворилась, пуская в тепло тысячи снежинок и двух уставших путников. В голову ударили гам веселящихся людей, тихий перезвон лютни и стук башмачков подавальщиц. Пробивая путь широкими плечами, брат Сет направился к трактирщику.

– Что угодно господину? – широко улыбнувшись, спросил крепкий муж за стойкой.

– Две койки, плотный ужин с выпивкой и снедь на дневной переход, – ответил трактирщику Сет.

– У нас сегодня людно. Может, в чулан подать? Мест за столом нет, да и комнат свободных тоже, – с той же улыбкой процедил корчмарь.

– За столом место мы найдем. А вместо чулана сенница подойдет. Платит молодой.

– Две монеты за постой и четыре – за ужин.

– Ты что, мне весь трактир решил продать? Две монеты за всё! И если ужин будет плох, клянусь Отцом-Грозное Небо, Я – Старший брат Храма Сет Однорукий – лично разрисую твою харчевню! – Разъярился Храмовник, перейдя на крик. – Ибо сказано: Север ближе, чем ты думаешь!

После его слов замолкла музыка, а разговоры стали тише. Все обернулись от окрика, кто в изумлении, кто с испугом на лице. Трактирщик изменился в лице, резко побледнел.

– Ваша правда, господин. Редкий гость в наших тёплых краях северянин. Примите в качестве извинений девку. Редкий товар, закладная из Благородных. Её род отказался от неё, а долг за жильё и пищу вырос неимоверно. А стол сейчас освободят для знатных особ.

– То-то же. Что из пойла у тебя есть? – Требовательно произнёс Сет.

– Ячменное пиво, медовуха. Могу разогреть сбитень или вина. Ежели нужно, могу бычину сделать. Но ждать нужно и доплатить бы пару монет.

– Вина мне, а вьюноше кваса или отвара. Пошевеливайся, с самого утра топаем. Бычину по утру сготовь, путь предстоит долгий. А оплату отдадим, как суму соберёшь защитникам Юга, – проворчал вой.

– Всё будет. Вы присаживайтесь, – кланяясь, пролепетал Муж. – Марьям, етить тебя, быстро мечи с кухни на стол.

Сделав заказ, ветеран пошёл вдоль столов, выбирая место для трапезы. Наконец свернул к такому и навис над хмельными.

– Мне понравился этот стол, подвинься. – Не дожидаясь ответа, грузно уселся на лавку.

– Дядь, тут занято. Поищи свободные места, тут тебе не рады. Чего скалишься? Али напрашиваешься? – Пробубнил крепкий парень лет двадцати.

– Голод – лучшая приправа к любой пище, а кабацкая драка помогает разогнать кровь по жилам. Ну что, Светоч, готов поджарить южный окорок? – явно нарываясь на неприятности, произнёс Сет.

Я принял правила игры, скинул капор и оголил обожжённую голову.

– Может, хоть тут выспимся? Я только отошёл от сторевшей корчмы в Китеж-граде.

Хмельной народ быстро засобирался на выход. Ветеран громко засмеялся.

– Ну, что Я тебе говорил? Душонка гнилая, четверо взрослых мужей испугались калеку и пацана. Ответь мне, Светоч, как бы поступил на их месте?

– Стоял на своём, так как Я прав.

– А ежели бы поколотили?

– Земля-Мать почует, Отец-Небо узрит да накажет обидчиков.

– То-то же! Машка, где мой ужин?! – заорал Старший Брат.

На столе появились яства, тушёная капуста с рёбрами барашка, хлеба корзинка и овощи. Из знакомых мне лишь репа и луковица, остальные ярких цветов, что даже внушали опасение.

– Не сиди ты, как засватанный, руби ножом рёбра. Остынут если, не такие вкусные будут, – проговорил Сет, наливая вино в чашу.

Я последовал совету, отринув скромность, ножом Мирко ударил по хрящу, отделяя косточку.

– Брат Сет, а это Вы были на берегу, когда меня на лодке к Ладье тянули?

– Глазастый. Не успел немного. Сквозь лесных братьев пробивались долго. Ох, что за сеча была, залюбуешься. Твой выводок хорош, так ярко наседали, что, если бы не ловушки да стрелы, на руках бы септов к реке вывели да на Ладью подняли.

– Все живы из побратимов? Целы ли Септы?

– Милостью богов, мы отделались лишь ранеными и увечными, обозники не в счёт. Таран и Куница живы, всё рвались за тобой вдогонку, чуть приказа не ослушались. Марук плохой, но оклемается, старые раны открылись, да и перегорел малость. У Вязя новый шрам на лице, с каждой сечей все краше становится, ха-ха. Олега только заговоренное оружие берёт, не иначе. – Старик остановился выпить вина, закинул пальцами капусту в рот и продолжил. – Выводок ваш разделили на пальцы и кулаки. Старая задумка наконец-то сработала, раньше оно как было. Стражи со Следопытами на ножах. Волокуши всех злили своей медлительностью, а гварды и светочи отдельно ходили. А тут, все за всех горой, не иначе провидение нашло. Теперича в пальце два стража, столько же волокуш и один следопыт. Есть и другие, где количество и состав разнятся, но в целом правильно получилось, отряд цельный. – Налив в чашу вина, задумчиво поглядел на меня. – В общем так, вокруг да около ходить не буду. Знаю про поход на Север, потому вызвался провожатым. Сам тварь хотел загнать, но наймиты разбежались после первой трёпки, а идем мы за яйцом, где вот-вот должен вылупиться птенец один, жаль, что не наш общий знакомый, но всё ж неплохо. Срока у нас месяц, а то и поменьше. У Олега цель: вар собрать. Моя с твоей схожа, чем меньше этой твари будет Матушку топтать да Людей смущать, тем быстрее наступят светлые времена. Я много чего видел, особо на Севере, но могу сказать одно, с каждой убитой Химерой Солнце чаще из-за туч выходит. Вот только есть одна штука, что мне

мешает. Не пойму, зачем тебе горбун нож свой отдал? И ещё хотел бы знать, кто поход устраивает? Олег один не потянет, там много монет нужно. Может, слышал чего?

– Отцы-основатели настаивают на своей руке, но сказывается мне, что готовы и в складчину собрать. Мирко отдал мне нож без условий, это не заклад. И это оружие уже дважды спасло мне жизнь. Куда делся Мазур?

– То не моя тайна, не скажу, а то светишься постоянно, будто на допросе себя чую. Рано ещё тебе меня проверять, то дело Септов, а они тебе вряд ли скажут всю правду.

– Любомира прошлый поход отряд Олега брал?

– Откуда... Ты или чересчур прозорлив, или кто-то тебе даёт правильные вопросы. Я всё сказал, ешь молча, – грозно отрезал ветеран и схватился за мясо. Когда тарелка опустела, а вино было выпито, старика разморило. – Там бабу обещали, но Я наелся от пуза, да и не хочется сегодня, как впрочем, и год назад, хех. В общем, забирай, это мой подарок и приказ. Собери тут всё, согласно нашим обычаям, да ступай в сенницы. Нечего клопов кормить. Эй, наливальщица, почему моя чаша пуста?

Живо подскочила девка да уважила ветерана, затем кивнув мне следовать за ней, пошла через дверь, указывая путь к сараю.

– Ты уж, господин, построже с ней, а то, видишь ли, наела на сотню монет, а отработать ни кухаркой, ни полотёром не хочет. Раньше всё Мужем грозила да гневом княжеским, а как молва пришла... Теперича, опосля тебя быстро смиренная станет, бремя закроет за пару лет, ежели не забрюхатит кто. Ступай наверх, там она уже. Огонь не разводите, не для света, не для сугрева. Спалишь всех враз. Бывай, северянин. Ежели мало девки будет, меня разыщи. – Марьям махнула юбками и понеслась в натопленный кабак, перепрыгивая через затаившиеся льдом лужи.

Натужно скрипела лестница, казалось, упрись ногой покрепче, да сорвёшься в тот же миг. Но, несмотря на опасения, свою службу она выполнила. Темень была несусветная, потому Я сразу переключился на Дар. В дальнем углу спряталась барышня, пытаюсь слиться со стогами сена.

– Я тебя вижу, да и замёрзнешь ты одна без одёжи. Посему не дури, а иди на голос. Не трону Я тебя, клянусь Матерью-Землёй.

– Северянин... – прошипела Дева. – Что же вам не сиделось-то в своих болотах, сгнили бы уже давно, а то душат своим бременем, вспоминают ушедшие времена. А сами как клещи присосались к здоровым и полным крови городам и селам. И тянут, и тянут.

– Тебя послушать ежели, то нет никакой Орды? Куда же вы шлёте столько лиходеев и душегубов? – ухмыльнулся Я.

– Ни разу не видела изменённых тварей, и род мой не видел.

– То кривда, Химеру-то ты видела. Та ещё тварь, – возразил ей в ответ.

– Молчи, чернь! Он не тварь, а венец! Лучшее, что есть на белом свете. Люди слабы и невежественны, их заботит только еда, тепло да похоть. А он не такой, честный, благородный. Очень умный и знает всё на свете. Он разберётся с одним врагом с Севера и придёт за мной.

– Враг с Севера – это Я, Светоч Путеводный. А сама тварь ушла на Драккаре на Юг. Ты же просто удобный инструмент для получения власти. Его любовница Маришка, что помогла тебе сбежать, должна была отравить Князя. А твой новый суженный из Ярлов, княжить вместе с тобой хотел.

– Замолчи, это поклёп! Не может того быть. Скоро меня освободят из этой тюрьмы, и Я

уюду в терем на княженье. Первым указом запрещу появляться уродам, как ты, на нашей святой земле, – взъярилась Благородная, но в голосе сквозила неуверенность.

– Указом Князя ты лишена всех привилегий и чинов. Мятеж у рыбацкой деревни подавлен, а все ваши союзники из тиунов, дьяка и волхвов отправлены в Чистый четверг на Север. Потому ты одна на этой святой земле.

– Ложь!! – Раздался сломленный голос.

– Я не могу лгать, сама кривда режет меня словно нож. Чем быстрее ты это примешь, тем проще тебе будет выбраться из грязи. Заплати долг своими камнями, что прихватила из терема, да отправляйся с первым обозом прочь, – посоветовал Я и начал набивать сено для ночлега.

– У меня больше ничего не осталось. Я отдала любимому, чтобы он вооружил воев... Как же быть. Я подпалю сено и воскресну, как Жар-птица, тогда Любомир увидит зарево, да заберёт меня возрождённой и равной ему. Как он и обещал. – Совсем раскисла барыня и хваталась за любую соломинку, пытаюсь сама себя убедить в том.

– Маришка болтается в петле на воротах, не воскресла за три дня. Боюсь, что и ты только невинный люд с собой заберёшь кострищем. Ну, раз ты – Жар-птица, значит, не замёрзнешь. Да увидишь ты полный рассвет. Спокойной ночи. – После этих слов Я зарылся в сено, да начал шептать вечернюю молитву.

– Эй, ты где? Я замёрзла и хочу есть. Сходи за постельными, пусть укроют сено, как следует, – несмотря на расклад, пыталась отдавать приказы.

– Кто ж меня будет слушать? Я же – урод, а ты – барыня, потому прикажи черни сама, а из еды есть овощи и хлеба немного. Иди на свет. – Нырнув в Дар, загорелся ровной лучиной, разгоняя мрак вокруг себя. Морщась сослепу, ко мне шла барыня, взлохмаченная и вся в соломе. Из одежды только ночное платье и платок в руке.

– Угощайся, чем Боги послали, – произнёс Я, разворачивая узел.

Несмотря на голод, Благородная выбирала самые ровные и без изъяна куски, откладывая в сторону прочие. Меня такое отношение к предложенной пище обидело, потому Я и притушил Дар.

– Я трапезничаю, дай свет! – Приказала мне барыня.

– Мимо рта не пронесешь. Доброй ночи, а куски, что останутся, назад в узел сложи, тебе завтра ими ещё завтракать. – После этих слов завалился на тюфяк.

– Эти объедки? Доставь меня на Юг к Любомиру, и Я попрошу за тебя. Он меня любит, оттого послушает. Деньгой тебе оплатим и камнями. А ежели откажешься, до конца дней своих бегать будешь от гнева нашего.

– Я с Севера, брат Храма и Церкви. Указывать мне могут лишь старшие братья и отцы. Смерти Я не боюсь, так как жизнь более мне не принадлежит. А ты свои замашки брось, пока ты простая девка, без Рода и поддержки. И стоишь посреди кухарки и полотёра. Гонор свой сбавь: Я тебе не кровник и не покровитель. Спать ляжешь, где вздумаешь. Эх... От добра добра не ищут, – расстроено произнёс и повернулся на бок.

Проснулся от того, что мою руку теребила замёрзшая дева, а в паре локтей храпел хмельной Сет.

– Возьми меня с собой, молю. А иначе Я брошусь в воду. Ты можешь меня спасти, клянусь тебе угождать во всём. Хочешь, женой заведи, хочешь – наложницей или слугой.

– Я устал от тебя, закладная трактирщика. Я не могу принять твою клятву, ибо ты изменила Роду. Князю. А сейчас и Химере. Трижды за неполный месяц. Ложись рядом,

обогрею слегка.

Глава 2. Обуза

– Вставай, крестник, нас ждёт долгий путь. Пусть Отец уберёжет от напасти, а Мать направит честной дорогой. Да оторви ты эту грелку с груди... – разворчался Сет. – Спускайся в кабак. Меня ждёт бычина, да и тебе не мешало бы её отведать. В общем, поторопись.

– Забава, просыпайся. Мне пора уходить на Север, а тебе – возвращаться к новой жизни. – Расталкивая барыню, ненароком залюбовался. Сонное лицо, вздёрнутый носик, усеянный веснушками, и пушистые ресницы соломенного цвета. В мелких кудряшках застряли соломинки, превращая голову в сорочье гнездо. Я медленно вытянул руку из-под её головы, отряхнул одежду и собрался было уходить. Отложив в тряпицу остатки ужина, аккуратно положил в туесок снедь. Лестница вдруг вновь закрипела, и показалась голова Брата. Он ворчливо произнёс что-то неразборчивое, потом глянул мне за спину и прокричал:

– А ну, девка, не дури! Убери нож!

– Мне незачем жить, – раздался твёрдый голос Забавы. – Как только вы уйдёте, Я останусь на потеху рыбакам да крестьянам. Лучше сейчас уйти за Грань, чем стать потаскухой.

– Босик, ты что ей вчера такое рассказал, что она сегодня на себя руки решила наложить? Историю детства или захрапел раньше, чем штаны подтянул? – Поднимаясь в сенницы, вопрошал старик.

– Это бывшая княгиня Забава, что лишена имени и рода. Та, что сбежала с Любомиром и чуть не привела Ярлов править Китеж-градом, – с тяжёлым вздохом поведал Я историю барыни.

– Вот оно что. Ну, Я с ней согласен. Проще уйти свободным, чем влачить жизнь тряпкой. Девица, давай скорее, мы нож заберём и уйдём. Но лучше тебе в речку уйти, так хоть чертей накормишь, и на нас не будет поклёпа. Подумай сама, кого обвинят в смерти закладной? Вчера ушла с молодым септом, а на утро мертва от ножа Святоча. Давай не дури, – посоветовал Брат.

– Сколько ты должна? – осторожно спросил Я отчаявшуюся благородную.

– Двести две монеты, – скорбно прошептала Дева.

– Э как, а мне вчера говорили – сотню. А платье в уплату забрали или чтобы не сбегла?

– Забрали почистить, как и сапоги. И не вернули, – положив нож на колени, произнесла Забава.

– Брат Сет, Я не могу так. Позволь взять её до ближайшего града. А после мы с ней попросимся, – повернувшись к Храмовнику, обратился с мольбой в голосе.

– Всё повторяется... Ты же Это твёрдо решил? Дела... Если вдруг отстанет или попадёт в беду, даже шаг не сбавлю. До ближайшего града, после пусть даже не попадается на глаза, сам упокою. А деньга есть на выкуп? – Глядя на мой кивок, ветеран ослабил. – Говорить Я буду, а то пока спустимся вниз, должок подрастёт дважды. И если у тебя ещё раз оружие пропадёт, лишу сана, – пригрозил старик.

– Мирон, а готова ли моя бычина? – громко произнёс Сет.

– Эт, мать чесна. Ещё чуток осталось, сжеживают для Вас, господин. – Засуетился под пристальным взглядом Корчмарь.

– Тогда другой вопрос: что у южан делают за пособничество изменникам? – наклонив голову набок, продолжал вопрошать Храмовник.

– Дык, виру, наверное. Не помню Я. А к чему вопрос? – понимая, что сейчас произойдет что-то нехорошее, попятился хозяин таверны назад к кухне.

– Первым приказом бывшего Князя, а ныне Царя Святополка, Собирателя земли Руссов, был возврат к Правилу отца своего. А как Я помню, по нему казнь через виселицу или отсечение головы всех, кто мог знать об измене, но не доложил. Из присутствующих в трактире это ты, Мирон. Все подавальщицы, что забрали платье и сапоги Благородной, а её на выкуп оставили. Твоя чета и дети, что старше десяти годов. Как решать будем? – сверкая глазами, пророкотал Храмовник.

– Что это такое мы выпили? – изумился Я произошедшим изменениям в себе.

– Бычина – это стравленная кровь из вола или быка, но не коровы, а также сырые яйца и крепкое вино, ну в твоём случае сбитень. Зачастую животное не убивают, а немного сцеживают кровь, не больше меры (0,6 литра). Всё, что нужно, чтобы поддержать путника на дальнем пути. Могу тебе обещать, что в ближайшие три-четыре версты тебе будет жарко, да и мелкие ранки быстрее затянутся. Знал бы ты, сколько мы лошадок на юге выпили... Эх-х, времечко. – Мечтательно закатил глаза, затем вдруг встрепенулся. – Шесть монет за постой и еду правильно, что отдал. Мы не лиходеи, а вот выкуп за Забаву можешь мне отдать. Но только половину, Я честен с тобой.

– Я благодарю заступника Ярило за то, что он осветил мой путь и дал возможность искупить свои грехи, – начала причитать Забава.

– Заткнись, курва. Ещё вчера мы были клещами, что всем пили кровь, и вырожденками, а венцом творения являлась для тебя Химера. Но Любомир больше не обогревает тебя своими лживыми словами да похотью, из залога не вытащил. И ты сразу вспомнила Хорса, бога-Солнце. Когда хлебала бычину, отчего не отказалась? Та же кровь, то же живое существо. Выгода тобой движет, а не честь или вера. Потому закрой свой рот, и пока к тебе не обратились, держи его закрытым. А ежели мои слова не по нраву, у этой дороги сотни перекрёстков, уходи на любом, – зло ответил ей Сет. – Отстанет ежели, проще бросить, чем тащить, – эти слова он произнёс уже мне, но так, чтобы и Дева услышала.

Я обернулся к Забаве, покривил губы, подавая знак, чтобы молчала и не отставала.

– Брат Сет, вчера ты мне говорил про слуг Мары и творимые ими бесчинства. А как получилось, что южане с этим не борются? – задал Я мучающий меня вопрос.

– Власти хотят над людьми, судьбой или жизнью, потому и смотрят сквозь пальцы. Через кровь и грех её проще получить, чем через добрые дела. Доброе оно же, как данность воспринимается, а вот зло долго на устах и в сердце застревает. Хочешь избавиться от соперника или недруга, али нежеланного плода? Может, отец долго не оставляет этот Мир и тебе наследие? Разлучница семью разбила или соседская коза борщницу поела? Вместо того, чтобы по Правилу решать да через Дьякову службу, тёмный здешний люд идёт на болота, к ведьмам и ведуньям. Приносит жертву кровавую, обещание первенца отдать или услугу в будущем. В ответ получают потраву, узлы заговоренные или подклады. А утром идут на поклон своим богам, молят об урожае или приплоде, а сами... А сами, как твоя обуза, как выгодно, в того и веруют. Потому и душа гнилая, потому и ненавидят нас, северян. Ибо наши помыслы прямы, без увёртов и лишних слов. Это как ежели в ссоре ты с соседом и прознал, что язва леса рядом. И вместо того, чтобы позвать недруга вдвоем лесолесье сжечь да обиду общим делом закрыть, ты ему дверку в дом приоткрыл, а на утро узнаёшь, что зайцегрыз изменённый всю семейку соседа извёл. Твои руки не в крови, никто про зло не ведаёт.

– Не может такого быть, Мать-Земля видела, Отец-Небо ведаёт. И как такое в голове повернуть, ведь угол у всех один-то? Ведь после этого никто никому доверять не сможет.

– Наша Вера, сынок, есть наша совесть, правило и уклад. А у них тут это разные вещи. Оттого и множат сами себе зло, не замечая истинных врагов, погружая самих себя в пучину. Да, у нас не всё правильно, Благородные тянут из людей соки, но их тридцать семей! Число чётко определено и конечно. Калеченные всегда жили по такому правилу, ибо помнят истоки, что для Люда мы выжили, все удары судьбы встречались грудью. Оттого мы сильны, так как весь шлак со временем и ударами невзгод выбился и ушел с кровью в Мать-Сыру Землю.

– Калеченные? Первый раз слышу такое название. Вас же каликами переходными называют, – проговорила Забава, что внимательно слушала наш разговор.

– Мы более не ходим и калика наша всегда при нас с самого рождения. Ещё раз вмешайся, удавлю.... Но Я отвечу для понимания твоего, брат. Когда Мать пострадала от Зла, дурная кровь проснулась в людях. Стали меняться и внутри, и снаружи. Все прочие Рода изгоняли таких из своих мест, дабы не омрачали своим видом и без того скорбное существование. Время шло, таких изгнанных становилось всё больше и больше. Раньше они просто уходили в лес, где погибали от невзгод или зверья, но порой то, что украли дурная кровь, вернулось сторицей. Кто-то стал лучше видеть или слышать, вторые сильны многократно, третьи выдерживают множество ударов и живучи, как волколаки. Всю свою злобу на несправедливость Мира они направили не против Люда, а выплеснули на Орду. Голыми руками, палками и камнями ломали хребты и пробивали головы, делали ловушки и прятались. Один раз вбили малый гон, отразив нападение орды у селения. Когда поселковые увидели сие чудо, поклонились низко. Более никто не бросал чадо с изъяном в лесу, а отдавал каликам переходим. Мы жили в лесах возле поселений, так как зависели от них, а они от нас. Выносили нам еду и ненужную одежду, как духам леса или реки, а в ответ получали защиту. – Брат Сет сбавил шаг, пристально осмотрел лес. Затем продолжил повествование. – Потом был Великий Поход! На том Вече, где разделились Рода, нас первый раз пригласили, долго рассматривали с недоверием, ощупывали и сравнивали. А ещё сильнее удивились, узнав, сколько нас таких, поломанных, но не сломленных. Сотню лет гнали прочь, выкидывали в лесу, хоронили заживо, выжигали, а вон как повернулась. Тогда в руках первый раз держали калики настоящее оружие!! Не самодельное из костей и палок, а боевое!! Пятьдесят лет войны и у калеченных появилась Родина. Наше городище! Мы не такие, как остальные, мы с изъяном и болезнями, но честным трудом и самопожертвованием отвоевали право жить. Берендеи долго были среди нас, но мы живём с верой в Мать и Отца, а у них свой Бог и своя книга. Ты увидишь их быт и самих последователей Велеса, мы во многом схожи – нрав, уклад и отношение к Земле.

– Расскажи про горынычей и афанасьевых. Чем они знамениты и их нравы.

– Могу только про первых, так как знаю их неплохо. Городище Афанасьёво закрыто для других, известно лишь то, что это самое снаряжённое воинство на Севере. Воюют не числом, а умением. Механизмы у них в почёте и грамота. Горынычи очень... – тут старик напрягся. – Светоч, а глянь-ка чуть правее дороги шагов на триста.

Я тотчас укорил себя, будто не было мне науки, что всегда следить нужно вокруг себя. Кинув взор Даром, заметил малые очертания.

– Трое, невысокого роста, сидят на кортах у дороги. Слева ещё двое. Только ... – тут Я замешкался, пытаюсь объяснить увиденное мной. – Это не животные и не люди, Я таких ещё

не видел. Пятна еле живые, чуть подсвечены, будто раненые или во сне.

– Маровы твари. Жаль, лучника нет или самострела, шуганули бы тварей да время не теряли. Не дай им себя задеть, когти, клыки и слюна – всё гнилью и смертью пропитано. Ещё снег не упал, а они уже повылазили из нор. Наваливаются лишь числом да на одиноких путников. Но раз ждут, то или голодны чрезмерно, или приказ имеют от кукловода. Подбери жердь, пару локтей в длину, с твоим ножом тут не сладишь. Сам не бейся, просто отталкивай. Береги себя, сынок.

Беспрекословно выполнив наставление, срезал ножом пару веток, толщиной в три пальца. Ту, что покорооче, передал Деве, свою же слегка заострил, на пример копьёца. Сунул нож в кольцо на поясе и приготовился. Прочитал коротко молитву от раны и про помощь в ратном деле да покрепче сжал древко, а мысли были только о том, как уберечь себя и Деву.

– Твои слева двое. Просто толкай от себя и не дай окружить. – Ветеран потянул за шнуровку плаща, высвобождая покалеченную руку. Потянул топор из-за спины. – Босик, кинь камень в кусты, а то чего-то они задремали, а мне ждать не с руки.

Каблуком сапожка отбив замерший ком глины, Я прицелился и на выдохе швырнул в кусты.

– Ну хоть в ту сторону, что нужно, кинул и то хлеб, – посмеялся над моим броском Брат. Я же переключился на другую сторону, откуда раздавались шорохи и сопение.

– Ну и паскудный же ты! – крикнул Храмовник, отправляя первого выползня в лес ударом топора. Наконец на моей стороне из чащи леса появился первый противник. Слизкая кожа с прилипшими листьями и землей. Лысая голова с залитыми черным глазницами и впалый нос. Само тельце, тщедушное и худое, передвигалось на согнутых ногах, пошатываясь из стороны в сторону. Помня наставление Сета, Я ткнул в грудь жердиной, с целью оттолкнуть. Заостренная палка, встретив слабое сопротивление, неожиданно для меня погрузилась на две ладони в тельце. Из раны тут же брызнула грязная вода, а края прокола задымились мутным паром. Слева взвизгнула Забава, увидев вторую тварь, что неспешно вывалилась из леса и поёрла прямо на нее. Обуза она и есть... Резко крутанув корпусом, налёг на древко, уводя противника в сторону. Тщедушная грудь соскочила с древка, а сам утопленец рухнул оземь. Повернувшись, поспешил на помощь Деве, но она так отчаянно лупила палкой по голове и плечам серого ходока, что было опасно подходить ближе, дабы не попасть под горячую руку. Удары не причиняли большого вреда твари, но их было много, от того поднятого шатало после каждого удачного попадания, как камыш при сильном ветре. Дабы не оставлять за спиной соперника, Я подскочил к первой твари и точным ударом проломил ему голову. Тот булькнул и затих. Покончив с опасностью, принялся обходить мертвяка со спины, мазанув даром по лесу. Лес словно ожил. Тут и там шагах в трёхстах, а где и ближе, поднимались огоньки поднятых. Понимая, что время играет против нас, наколол голову, многократно битую Забавой, прекращая издевательства.

– Брат Сет, их больше сотни в лесу. Хотя, Я их не чуял до этого, – быстро доложил об увиденном.

– Уходим быстро. Они хоть и вялые после спячки, но пятерых Я упокоил. Ты когда успел жердину заговорить? – спросил меня Брат.

– Заговорить? – изумился Я.

– Позже поговорим. Ходу давай, ходу. Главное – не шумим. До заката нужно быть далече от леса и от реки, или на дереве спать будем, – прошептал Тот, перекидывая топор на плечо. Затем ускорил шаг, постоянно озираясь на недружелюбный лес.

Я последовал его примеру, схватил Деву за руку и потянул за собой.

– Что это было? – дрожащим голосом произнесла Забава.

– Это то, во что ты не веришь. Твари земли, от которых мы оберегаем Юг. Эти ещё хилые, утопцы. Я их по бестиарию вспомнил. Чёрная ворожба подняла их к вечно голодной жизни. Не болтай и поспеши за нами. Брат Сет не поможет тебе, – зашептал Я, постоянно проверяя лес Даром.

Вся нечисть тянулась из подлеска в сторону недавней сечи, не считаясь с дорогой. Вся округа наполнилась шумом и треском ломаемых веток и сучьев. Пройдя пару вёрст в тишине и постоянном ожидании нападения, брат свернул в сторону от дороги. Найдя поваленное бревно, присел и вытянул ноги.

– Всё-таки под приказом твари были. Своего разума не имеют, в погоню не пустились. Сейчас пожрут всё, что мы с тобой набили, и опять по норам уйдут. Шума много наделали. Сколько их прознал?

– Больше сотни. Считать некогда было. Но Я не вижу над ними чужой воли.

– Их подняли приказом. Так бы они от реки далеко не ушли. Вот теперь появились вопросы. Первый, по чью душу они сторожили дорогу? Кого-то из нас или просто отрезав Север? Второй, как предупредить южан? Третий, не засадали это? Потому мысли такие. Изначально Я хотел поесть и отдохнуть в хуторе, что в верстах пяти выше, а в зависимости от погоды, что пошлёт нам Отец-Небо, то и переночевать. Теперича думать нужно, а в хутора с опаской заходить. Доставай снесь. На сытое пузо шагаются легче.

Быстро перекусив нехитрую, но сытную еду, не разжигая огня, засобирались в путь. Перед уходом Сет меня удивил. Подойдя к огнецвету, стал на колени, откопав малую ямку у корней, положил запрятанную в кармане монетку и кусок хлеба. Что-то прошептал в кулак и быстро засыпал подклад, поднялся да отбил колени от грязи.

– Ходу. Снег повалит с минуты на минуту, будет тяжело в лесу. О том, что сейчас увидел, молчи. Позже тебе поведаю о том, – спокойным голосом произнёс старик, но в глазах его Я видел и чувствовал тревогу.

Шагалось легче, когда знаешь, что в лесу рядом лишь зверье и опасность миновала. Талант безошибочно показывал отсутствие тварей, людей и опасных хищников на многие шаги вперед. Разговоры не вели, обратив мысли внутрь себя. Как и предсказывал Сет Хромой, повалил густой снег, крупными хлопьями укутывая Мать-Землю в саван, готовя её ко сну. Ветер перестал раскачивать высокие деревья, погрузил лес в сказочный Мир. Но чем ближе мы подходили к деревне, тем мрачнее становилось вокруг, да и бледная тень солнца почти не освещала Землю. Забава, что от усталости отставала на пару десятков шагов, с наступлением вечера нашла в себе силы нас догнать. Стены острога уже показались в сумраке вечера, но ветеран не торопился зайти под защиту частокола. Стоял, упирившись на топориче, покусывая губу и не отрывая взгляд от ворот.

Я молча присоединился к нему и нырнул в Талант. Не увидев никакой жизни или опасности, сообщил о том Хромому.

– Я тоже не чую живых. Но три дня назад тут было шумно, да на воротах стояли в дозоре. Не слышно собачин и скотины. Нет следов у ворот, а сами створки приоткрыты. Кровью не пахнет.

– Я замерзла, – тихим голосом пожаловалась Забава. – Почему мы не зайдём во внутрь.

– Тут такое дело... Хутор мертв, госпожа. Нет людей и животины. Нет запаха гари или крови. Воронья и того нет, – задумчиво проговорил Сет. – Скажите, барыня, как быть?

Укажите нам путь.

– Я не знаю, – растерянно произнесла Дева.

– Тогда стой молча и жди, а коли скучно, можешь первой сходить да разведать. – Старик притих, пытаясь определить, что делать дальше. Затем повернулся ко мне. – Босик, ты же у нас Светоч Путеводный? Может, есть мысли или догадки, куда делись сельчане?

– Мысль есть одна. Что мы их по дороге встретили. Иначе как селение дворов в двадцать не прознало про утопцев? Да и ты три дня назад тут был. Значит, отсюда эта мерзость и полезла. И ответ, почему живности не слышно, тот же. Пожрали их утопцы, – поделился Я своими размышлениями.

– Всё сходится, вроде бы. Но кто смог за три дня сотню человек обратить? Сельской ведьме это не под силу, тут жертв принести много нужно. Или пытками да посулами пару седмиц измываться над людьми.

– Мелкие порезы по всему телу, те, что не смертельные, но жутко болезненные? Пока разум от боли не помутнеет? – Неожиданно догадался.

Ветеран изумленно покосился на меня.

– Ты у кого-то видел такое? Если да, то это есть знаки. Обезумевший от боли становится разносчиком хвори, что травит Люд. Сам того не ведая, в тепле умирает, а отравленного потом кидают в воду, и через пару дней тот перерождается в утопца. Но так он может один дом заразить при своей смерти. Но не сотню же, да и на реке черти бы пировали, половину сожрав.

– Если только их всех в колодец не бросили. А ты три дня назад тут воду не пил? – задал вопрос ветерану.

– Нет, только вина. Надо думать, как поступить. – Хромой постоял ещё немного, затем рухнул на колени, мазанул рукой землю и нанёс себе на лицо полосы грязи. – Мать- Земля да Отец-Грозное Небо, дайте знак своему чаду. Уберегите меня и путников от напасти.

Постояв на коленях ещё достаточно долгое время, старик тяжело поднялся.

– Ждём знак. Без него Я не сдвинусь.

В лесу за спиной завyli волки, побуждая принять решение, но Старший Брат стоял твёрдо на своем решении. Скрипнула воротина, раскрывая двор, а следом вышла маленькая девчушка, с соломенной куклой под мышкой. Она брела вперед, не смотря по сторонам, босоногая и отрешённая. Забава кинулась было, но была перехвачена рукой Сета.

– Босик, глянь, не морок ли это али, может, нежить? – голосом, полным сожаления, вопрошал меня Сет.

– Живая, – ответил Я и поспешил ей навстречу. Старик рванул следом, приготовив топор.

Наконец девчонка нас заметила, её ноги подкосились, и она рухнула оземь. Волчий вой раздался совсем рядом. Перехватив худое тельце за пояс, Я ускорил шаг. Забава заскочила следом, а Сет уже тянул воротину здоровой рукой, борясь с ветром.

– Девка, накинь засов. Да поспеши, волчьи морды рядом.

Забава сбилась с шагу, удивившись такому обращению, затем обернулась скоро к воротам, поднимая тяжелый брус. Заправив его в стремяна, начала дуть на озябшие пальцы.

– Пойдём дом выберем, где ночевать будем, – проговорил Старший Брат. – Босик, стой. Хотя... Сказывается мне, что он уже выбрал.

Я шёл по следам босоногой девчушки, которые ещё не замела метель, прижимая к груди маленькое замёрзшее тельце. Трудно представить, что пришлось ей пережить в селе, где

разом обратились все жители, а незаражённых пожрали их же соседи. А вторая мысль, что не давала мне покоя, что оставался ещё кто-то, кто сбросил тела мёртвых в колодец. Пролить свет мог лишь единственный видок, но жизнь уходила из неё с каждым вздохом на морозном воздухе. Отпечатки ножек привели меня к раскрытой калитке и ухоженной дорожке.

Дом был ладный, ставни с узорами и окрашены в желтый, а сами брёвна тщательно вышкурены и облиты янтарной морилкой. Вход в дом о двух ступенях, на которых остались клоки волос и куски плоти. Крыльцо венчал навес, что покоился на двух толстых столбах с резными крестами. Крепко сбитая дверь была исцарапана, а правое окно горницы зияло чёрным провалом. Не забывая проверить Талантом тёмные углы, Я смело шагнул в сени. Споткнувшись об утварь, что была навалена у стен, сделал два быстрых шага, с трудом сохраняя равновесие, практически влетел в проём двери, ударив многострадальное плечо. Горница была в ужасном состоянии. Следы борьбы и перевёрнутая мебель раскрывали детали произошедшего. А чёрные липкие пятна крови и пенные лужи, говорили о том, что хозяин защищал свой дом до последнего.

– Надо смыть кровь, а Я позабочусь о печке, – уложив ребёнка на полати и прикрыв своей курткой, засобирался в дровницу.

– Вода же отравлена! – возмутилась барыня.

– Топи снег, а ежели не отмоем до чиста, сами сгинем.

– Может, другой дом выберем? Целее и чище? – С надеждой в голосе произнесла Забава.

– В этом селе не осталось чистых домов, все жители обратились, а тут оставались живыми. А ежели чем не довольна, то Я неволить не буду. Выбирай себе любой другой, а с завтрашнего дня, можешь остаться княжить этим селом. – Не желая более спорить, ушёл за дровами.

На улице было зябко без одежды, а снег валил пуще прежнего. Окинув селение Талантом, увидел красные точки волков, что кружили у ворот, и золотое свечение моего крестного, который в это время собирал припасы для дальнейшего пути, в открытую входя в дома и рыская по погребам.

Подобрав сухой валежник и с десяток рубленых дров, засобирался обратно. У печки немного замешкался, вспоминая устройство и способ распалки. Наши очаги и кострища палились в открытую, лишь успевай дым отводить, а тут всё иначе. Нарезав из валежника тонкие лучины, уложил их ёлочкой на железном листе. Затем начал бить искры из огнива. Принялась первая щепка, за ней вторая. Открыв заслонку, выгреб золу из шестка и открыл вьюшку наполовину. В устье тотчас появилась тяга. Аккуратно перенеся запаленные лучины, начал помаленьку подкладывать щепу и валежник в зев печи. Огонь весело затрещал, уплетая предложенную пищу, даря свет и тепло. Закинув поленья побольше, увеличил зазор на вьюшке и прикрыл заслонку. Так неожиданно для себя скормил печке всё запасённое. Подрезав длинные лучины, запалил их и воткнул в камелёк (место у печи для лучин или свечей). Стало светлее, оттого и тоскливо. Свет озарил то, что прятала тьма. Детскую простую обувь, следы борьбы и крови, лоскуты окровавленной одежды да серую слизь утопцев. Пора идти за добавкой, набрать поленьев на всю ночь. Необходимо натопить избу да залатать оконце. Иначе лишь мы – северяне – сможем выжить без тепла. Натаскав дров впрок, принялся разбирать завалы, стараясь не угодить рукой или сапожками в отравленную кровь, затем, взяв две лохани, набил их снегом и оставил у печки. Осталось лишь закрыть окна ставнями и заправить засов. Выйдя на крыльцо, втянул морозный воздух и огляделся. Волки ушли искать более лёгкую добычу, все избы мертвы, да и брата Я не смог разыскать.

Прошёлся вокруг дома, заглядывая во все тёмные углы, выставляя вперед копыце, крепил ставни на окна и забивал подклинья. Дошёл до амбара, но кроме крыс, которые объедали кости скотины, никого не нашёл. Сенницы порадовали набитыми тюфяками. Высыпав сено из мешковины, приготовил занавес для разбитого окна и поспешил вернуться.

Печь быстро нагрела горницу, несмотря на пустое оконце, которое Я сразу по прибытии начал подбивать мешком. Забава в тепле сомлела и теперь клевала носом, прислонившись спиной к зеркальцам (отдушина в печке для вывода горячего воздуха). Справившись с окном, принялся наводить порядок. Растаявший снег из двух лоханок перелил в деревянное ведро, остатки прыснул на пол и начал скоблить косарем (широкий хозяйственный нож с толстым обухом) доски полов. Время от времени приходилось отвлекаться для замены лучин в камельке и набора снега, а когда с полом было покончено, тщательно отмыл руки и одежду. Брата всё нет, но оставлять дверь открытой было весьма опрометчиво. Накинув простой засов в стремяна, принялся к готовке позднего ужина. Хоть к горячей еде сильно привыкнуть не успел, всё же пользы от неё больше, чем мороки. Да и найдёнышу она нужна больше, чем когда-либо.

Сельская еда обычно простая и сытная, без лишних изысков и богатых на вкус блюд. Сечка крупы, две луковицы, две меры топленой воды и сальце. Растопив жирок и обжарив лук, кинул поверх крупу, слегка перемешал да закрыл горшок крышкой, осталось только собрать прогоревший уголь да подкинуть свежих дров. В дальнем углу стоял здоровый сундук, на котором можно спокойно разместиться для сна. Скинув циновки, с трудом поднял тяжёлую крышку. Наряды для Красного дня и праздников, мужские рубахи и платья, сапоги, натёртые жиром. Мотки ниток и настоящая ценность – свечи! Большие, толщиной в детскую руку, в пол-локтя длиной. На самом дне – свёрток из мешковины, с трудом извлёк его из-под вещей, развязал ремешки и раскрыл узел. Короткий прямой меч в полтора локтя длиной, с обоюдоострым лезвием и без гарды. Как учил септ Олег, таким колят, а не рубят. Крутанул в руке.

– Это моего папы, – раздался голос из-за спины.

– Ты давно проснулась? Согрелась ли? Как себя чувствуешь? – От неожиданности Я подскочил. Только на миг отвлёкся, разглядывая меч и ножны, и меня опять проучили.

– Меня разбудил голод, но мне тепло, дяденька, – тихо прошептала девчонка.

– Потерпеть нужно немного, скоро каша стотовится. Как тебя звать-величать?

– Вероника Лебедева, а сельчане Верой Подкидышем называют. А кто эта тётя, что одета, как барыня, а сопит, как свинка в полуденницу?

– Забава её имя. А что за прозвище такое? За что же тебя так кличут?

– Папка на заработки уехал через месяц после смерти маменьки, а меня своему брату на постой оставил. Дал деньгу и наказ, чтобы не обижали. Дядька добрый был, принял меня в семью и воспитывал на равных. Говорил, где пятеро, там и шестеро. Но когда зло пришло, он детишек при себе держал, а меня в погреб спрятал. Дядь, может, сырую поедим кашу?

Наш разговор прервал скрип ступеней на крыльце. Я знаком дал понять, чтобы Вероника молчала, а сам, перехватив меч, пошел к входной двери. В зазоре проема блеснуло лезвие ножа, кто-то с другой стороны пытался поддеть засов. Взглянув Даром, увидел двух человек, что стояли у двери, а со стороны калитки крался золотой огонь брата Сета. Дождавшись, когда лезвие поднимет засов, резко ударил ногой в дверь. Тяжёлая воротина столкнулась с головой ночного гостя, оттого он кубарем полетел с лестницы, а второй зло выругался и потянул за ручку, распахивая настежь. Я коротким ударом кольнул в грудь мечом

оставшегося на ногах. Супостат застонал от боли и выронил топор. Не теряя времени, Я потянул за ручку на себя. Засов повесить уже не успевал, потому вложил в стремя меч.

– Ах ты ж, сука. Он меня подрезал. Вершок, давай подпалим хату.

– А спать ты где собрался? Да и баба там, Я видел. Ломай топором ставни, тут оконце было разбито, прошлый раз подметил.

За дверью раздался короткий свист, а потом грохот тела. Тотчас вынул меч и открыл дверь. На улице успел рассмотреть обезглавленное тело подранка и борьбу Брата Сета со вторым лиходеем за топор. Сделав быстрые шаги вперед, прижал лезвие меча к шее противника. Тот сразу расслабил хватку, отпустив топор, и поднял руки

– Не губите! Искали место для ночлега, а тут один единый дом с дымящей трубой, вот и попутали нас навьи на грех.

– Сказывается мне, что колодец сельчанами вы в паре с подельником наполняли. Скажешь правду, отпущу за ворота. Солжёшь хоть в слове – голова с плеч.

– Я... я не могу... – после этих слов пленник резко дернул головой, разрывая шею об приставленное лезвие меча. Брат Сет поморщился и от души приложил топором, разбивая голову врагу.

– Пошли жрать... За оборону хвалю, правильно всё сделал. – Старик вытер топор об тело и направился в дом.

– А этих прям тут бросим? – изумился Я.

– Можешь к колодцу оттащить. Завтра ещё раз убьём.

Глава 3. Найдёныш

– Пригорела немного, но есть можно, – сняв пробу с чугунка, изрёк Сет. – Поскольку посуды без потравы не найдём, едим с одного стола. – Затем обратился к девчонке:

– Малышка, а где твоя ложка?

– Я не нашла, – смущённо произнесла девчушка.

– Что же, возьми мою, а в городище тебе обновку присмотрим. И привыкай. У тебя должны быть своя ложка и чашка, – протягивая весло, с улыбкой проговорил Старший Брат, и после его слов Я поперхнулся.

– Брат Сет, ты решил её с собой до городища взять?

– Так наша служба такова: сиротам приют, кров и любовь дарить. А у тебя какие мысли были? Тут её оставить или бросить в ближайшем городе случайному человеку? А ты можешь доверять незнакомцу-южанину после того, как лучше их узнал, их желания и мотивы? Конечно, Даром ты можешь прознать их посылы, но через пару месяцев, когда зима придёт, а с ней холода, голод и смерти, как поменяется отношение к подкидышу? Несмотря на наши суровые будни и невзгоды, в яслях или приемной семье она будет родной, как бы не изменился Мир. – Твёрдо решил Ветеран.

Пока мы перекидывались планами на завтра, Забава и девчушка совсем сомлели от горячей печки. Я надел куртку, освободив место для ночлега, и на руках отнёс на полати. Сразу вспомнилась сестричка. Сколько раз Я в тайне от родителей выносил её, укутанную, под небо, когда идёт снег или дождь. Больше всего она любила солнце, но то было в редкость. Воспоминания горько укололи сердце. Как она там? Жива ли?

– Надо решить, кто ляжет на печи. Рассуди сам, – поставил меня под неудобный выбор Брат.

– Тут всё сложно и просто. На печи место лишь для одного взрослого. Я не могу, так как

решаю эту задачу. Остаёшься ты и Забава. Крепкий сон на печи поможет унять твою ногу и набраться сил. А ты наш единственный воин. Правило требует в первую очередь помочь воям, а во вторую – всем нуждающимся. Но, ежели Дева будет нас тормозить на нашем пути, то это плохо скажется на результате. Ежели она будет на печи, то мы сможем по очереди нести дозор, да и привычны мы для холода. Потому, дабы не нарушать Правило и не ставить под удар долг слова. А Мы его дали, что доведём Княжну до града, предлагаю отправить на печь Деву.

– Ход рассуждений мне ясен, по правилу ты должен уступить место мне. Но позабыл ещё кое-что. Я не могу возлечь с Вероникой, так как она мала возрастом, и Я не являюсь её родичем или опекуном. Так что вопрос решён. Второй выбор. На столе или сундуке меня приютишь?

– Вставай, крестник. Нужно согреть избу и прибраться во дворе. Заодно проверим: остались ли твари в селении. – Растолкал меня Старший Брат.

Находясь ещё во власти сна, с трудом разлепил глаза. Что ж, время отдать дань дому, что приютил нас, дал защиту от непогоды, тепло и стол. Потянувшись на сундуке, зевнул сладко и резко соскочил на пол. Быстро раздул угли, обложил их щепкой да подложил дрова. Выйдя на улицу, зажмурился с непривычки. Вчерашняя метель покрыла землю белым ковром и слепила не хуже солнца. На скорую растёр лицо снегом, отгоняя сон и придавая себе ясность мысли и бодрость духа. Прошептав молитву в благодарность за подаренное утро, поспешил на помощь Брату. Тот стоял над телами вчерашних лиходеев.

– Смотри внимательно. Слуги тёмных богов, веря в свою исключительность, всегда наносят на свои тела отметки. На кистях одного нанесены раны так, чтобы получился треугольник, остриём вниз. У наших братьев треугольник вершиной вверх, а в нём глаз. Но вернёмся к телу, шрамы белёсые оттого, что старые. Это есть кровник. Тот, кого отдали в услужение в детстве или вообще в младенчестве за услугу. Второй имеет на груди серп Мары. Это жнец её, значит, добровольно пошел под длань приспешников богини смерти, зимы и справедливости. Да-да, сынок, справедливости. По местным поверьям, Мара уравнивает всех: и богатых, и бедных, сильных и слабых, лиходеев и праведников. Нас же ждёт в свои объятия Мать-Земля или призывает в свои чертоги Отец-Небо. Потому Дев и поборников Церкви мы упокоиваем в могилы, а воев и братьев Храма – тризной, вместе с дымом от погребального костра отправляем ввысь. Второе, смотрим на внешний вид и оружие, эти знания нам откроют многое. Одежда простая, но добротная. Не с тела снятая, а купленная или сшитая на заказ. Потому ищи клеймо мастера кожевника или стряпчего по пошиву на куртке и сапогах. Так мы узнаем, откуда эти ребята взялись, где харчевались или жили.

– Тавро на ручке ножа вижу. Такое же на голенище сапога. – Осмотрев тела, нашёл искомое.

– Это плохая новость. Тот знак, что ты увидел на ноже, означает одно: мастера-Велеса Люди, но не берендеи, слишком тонкая работа для них. Значит, искать придётся долго. Срежь клеймо с сапога, а нож Я себе приберу. Теперь перейдём к оружию. Вот два топора. Расскажи про них.

– Топоры выбраны под руку, у здоровяка было большое топорище и тяжёлый колун. У второго полегче и короче. Ковка схожа, да и дерево пользовалось одного вида. Клинья у обоих также одинаковы, трёхгранные. Сказывается или верфь, или мастер один был. Кожаные шнуры на ручке и кольца для равновесия появились позже, топор явно подгоняли под себя.

– Тоже верно. Но смотри на травление стали кислотой. Значит, это не один мастер делал, а артель или верфь, и уж точно не сельский кузнец. На клине опять же стоят насечки, то мастер отметил свою работу по сборке. Дерево проклеено рыбьим варом, оттого воды не убоится. Топоры хороши и веса имеют правильные. Если бы ты не нашёл меч, то Я настоял бы на этом оружии. Большой оставим в доме для новых хозяев, а малый отдай бабе, можешь его заговорить на борьбу с нечистью. С копьем- то получилось. – Подмигнул мне Ветеран. – А теперь плохие новости. Вчера был ещё один гость, в час волка приходил (время между 4-5 утра), ежели бы не нужда, то и не услышал бы его. Огляделся и ушёл через заборы в лес. Срезал шнурки нательные с ворога, но Я их ещё вчера запомнил, не велика потеря. А вот шаг его мне очень не нравится, судя по размеру – человек не малый, выше тебя всяко будет, значимо, и тяжелее. Но следы... Слишком слабо давил на снег или ногу ставил иначе, следы еле видны. Так что, на твой Дар уповаю, в дороге чаще оглядывай лес. Он только с виду безобиден, вчера тому было доказательство.

– Я постараюсь не подвести под Черту. Нужно собираться, темнеет рано. Куда лиходеев определим? – Спросил Я.

– В амбар подвесим вверх ногами, привет оставим кое-кому, – произнёс наставник и ухватил за ногу здоровяка. Натужно потянул его ко входу в пристрой. Схватив за вторую, деревянную от мороза конечность, Я и сам запрягся в похоронную процессию. Дотянув до амбара первого, вернулись во двор за головами и вторым. Этот был легче чуть ли не вдвое, потому управились скоро. Быстрые поиски верёвки увенчались успехом. Брат Сет перекинул бечеву через балку, соорудил удавку на конце и подвязал ногу.

– Сапоги нужно снимать, так как придёт отщепенец или могильные воры, да подрежут верёвку у висельника. Или пожрут мясо крысы, и выскочит кость. А противнику всего живого нет места ни в Матушке-Земле ни на небесах. Навьи духи не найдут тела лиходеев, так как они застряли меж Мирами и не уведут их за Черту. Пусть вечно скитается неупокоенная душа убийца целого селения. Сорок дней нужно для того, чтобы сбылось сказанное мною. А теперь Я тяну, а ты подвяжи у столба.

Справившись, старик поднял за волосы голову лиходея, да заправил её ему под рубаху, затянув пояском.

– Пойдём кровь присыплем, да пора завтракать и в путь отправляться. Снег нам и в тягость при ходьбе и в радость, что следы даст прочитать.

– Дед Сет, Я в жисть так далеко не ходила сама. А ты заправду меня на Север заберёшь? А тебе нравится мое платье? Оно только для больших праздников было. А долго нам ещё идти? – смешно прыгая возле ветерана, спрашивала Вероника.

– Ну, если не умру до вечера от твоих вопросов, то доведу до Севера.

Несмотря на хрупкость девчонки и перенесённые невзгоды, сил скакать и постоянно что-либо спрашивать у ней не уменьшалось. Как Брату удавалось её терпеть, Я не понимал. Даже Забава нервно кусала губы от постоянных расспросов. Наука мне вчера была дважды, оттого Я останавливался и просвечивал Даром дорогу впереди себя.

– Не части, Святоч. А то скоро соришь, не сдюжу тебя до хутора тащить. И за спину не забывай заглядывать, иначе ворог в неё может стрелку пустить, – посоветовал Сет.

Я развязал заплечный мешок, достал флягу с отваром, что приготовила Анна. Горечь вара не перебивали даже перечная мята, мёд и сушёные цветы мирта. Засунув остатки в рукав для сугрева, огляделся за спину Даром. А там, шагах в пятистах, зажглась огнём

одинокая фигура. Значит, у нас есть провожатый. Зла от него не было, лишь любопытство и лёгкая нервозность.

– Ты прав, брат... Дважды... – ответил ветерану. На что он махнул мне рукой, чтобы догонял.

– Сколько их? – тихо прошептал, дабы не вселять в Дев тревогу.

– Один. Зла не чую. Любопытство лишь, – так же тихо ответил Я.

– Не части с Даром. Лучше передавай мне дозор, а сам копи заряд. А ежели привал нужен, дай знать. Да и девки скоро умятся, нужно волокуши рубить, двуось делать. До следующего селения пол дня пути осталось. Завтра уже в град зайдём. Обычно столько деньги не сбивал раньше, потому сани наймём да закупим товаров для Севера. Молотки, пилы, бечёвку да на посев. Гороха, семена солнцесвета да голубя (маис, кукуруза). Твоя служба не только добро нести, но и приумножать его. И это правильно. Молот на деревню – это в частокол забитая свая, а значит, ворогу или измененному не пройти в лагерь или поселение. Пила поможет приготовить дров на зиму, замёрзших будет меньше. А посев берем только тот, что может вырасти на топях или курумах (каменистая осыпь, накрывающая большие площади). Потому каждое зерно поможет вырасти урожай и накормить чью-то семью. Нам монеты легко не даются, да мы и не ропщем. А ежели и завелась какая, нужно в дело пускать. Ибо скряжество есть зло, а чем больше скопил, тем больше зло приумножил. Всё так же идёт за нами?

– Да. На том же расстоянии. Думаю, по следам бредёт, топчем мы знатно. Думаешь, он знает, что Я – Светоч? Оттого такую фору держит?

– Или привык за зверем хищным ходить. Шагов триста мало, а вот более – самое то.

– Тять, Я устала, – виноватым голосом произнесла Вероника, что до этого утомляла Забаву расспросами.

Я молча передал меч и мешок Сету, а сам подхватил на спину найдёныша.

– А пока молодой септ тебя тащит, нужно будет вспомнить всё, что сможешь о той злой ночи и про день до неё. Так, хныкать не нужно, не то в граде тебя оставлю... Пойми, доченька, то нужно для понимания, что за враг был и как его заборонить. Иначе он много горя принесёт. Вспомни всё необычное за седмицу, кто что говорил или хвастал. Я вот у Вас снежную Бабу видел у старосты. Кто её слепил?

– Какую Бабу? Снега же не было, – изумилась Ника.

– Хм... И впрямь, не подумал. Старый Я стал. А ты рассказывай, всё! – мягким голосом произнёс Сет.

– Ну... Прям старый. Вы, когда в Утяшево пришли, первым делом в корчме морду поморам расколотили. Народ о том судачил долго. Потомеся было вече малое, что-то взрослые судачили. Дяденька мой сердитым пришёл. Ванька Рябой учудил: на тряпицу нарядную помёта наложил свинячьего, да на край крыши уложил. Бабка Марфа ту тряпицу увидела, да давай тянуть. От усердия аж рот открыла, и прилетело ей. А Ваньку потом пороли, через смех, но пороли... Лёшка – старосты сын – из горячки вернулся, застудил себя всего. Говорят, по лесам и весям седмицу бродил. Но дядька говорил, что его блуд водил. А побитым он вернулся оттого, что в чужой курятник забрался, а петух больно встрогим был. Токмо куры-то клюют, а он весь порезанный был.

– А когда Лёшка вернулся?

– За день до Вас, а вечером на следующий день пропал опять. Дядь Босик, а тебе не тяжко меня нести, а то Я отдохнула уже.

– Еще покатайся, двужильная наша... Брат Сет, а провожатый пропал.

– Позже поймём: хорошо это или плохо. Скоро привал, пару верст пройдем ещё.

– Без костра? – спросил Я, доставая припасы.

– Знать бы, что за соглядатай такой, ответил бы тебе. Рисковать не будем. Ты девок уважь, а Я пройду немного. Тень от во-он той сосны как доползёт до метки, собирайтесь и топайте вперёд. Меня не ждите, нагоню. Мне отломи, на ходу поем. Запомни, сынок, твоя задача – дойти до хутора. Называют его Чёрный Дол. Там в корчме возьми комнату да еды на всех. Это ежели до вечера вас не догоню. Сторонись попутчиков и советчиков. А если и до утра не дойду, тогда заказывайте сани на торжище и не теряйте времени, двигайте на Север по направлению к Нижневартовску. Забаву пристрой учителем манер в Княжий дом или к благородным. За Веронику головой отвечаешь. На мою долю, да ещё в суме что найдёшь, купи, о чём раньше говорили, из расчёта на тридцать посёлков. Молотов, пил ручных, зубил, инструмент бери добротный. Бечёвка, пенька, проволока. Зёрен разных вкупе пуд на три посёлка. Итого, десять пудов. Найми сани до Юганска, дальше через земли Велеса до пограничья. Дай слово, что сдюжишь!

– Всё, что будет в моих силах. Даю слово перед Матерью-Сырой Землёй и Отцом-Грозное Небо, что сделаю всё, о чём поговорили, или умру, – дал клятву ветерану.

– Но-но. Умри, но то, что обещал, сделай. Бывай, крестник. Убережёт если Мать с Отцом, то свидимся. – Сет хлопнул меня по плечу, перехватил малый узел и собирался идти. Я ухватил его за руку.

– Дай топор, – попросил Я оружие.

Ветеран улыбнулся и протянул мне колун. Схватив за древко, все свои чаянья и желание сохранить этого человека живым перенёс вместе с молитвой. С непривычки меня аж повело.

Старший Брат принял топор, поклонился. А проходя мимо указанной сосны, прочертил линию, отмечая нам время для роздыха...

Я с сожалением вернулся к обедающим Девам.

– Куда старикан ушёл? – с вызовом спросила меня Забава. – Ты с ним прощался, Я всё видела. Он нас бросил? Одних в лесу? Какая же он тварь – ребёнка и девушку оставил с сопляком.

– Дед Сет обещал меня до града довести, а северяне не лгут. – Кинулась в защиту Брата Вероника.

– За нами следят, он ушёл обезопасить нам проход. Потому закрой свой рот едой, которую ты не заслужила. Завтра ты будешь свободна от моего слова. – Я отвернулся, прекращая спор.

Ника схватила снедь и села рядом, отвернувшись от Бывшей Княжны.

– Больно важный стал. А не боишься ли ты, что Я в граде к ответу призову? За поруганную честь, за оскорбление Рода, за смуту против благородных?

– Род-то какой? Изменников и клятвопреступников? Хулителей Бога Ярило да почитателей твари? Голова у меня другим занята: как Нику в новый дом доставить и Юг о напасти предупредить. А тебе и впрямь нужно одной пройтись.

– Постой, то Я со страха и сгоряча ляпнула, – сменив тон на ласковый, начала Забава. – Ну посуди сам, что мне думать? Ты у нас теперь один муж, на тебе лежит ответственность, вот Я и испугалась, что не сдюжишь. Вдруг у нас денег даже на еду не будет. Что же делать? Веронику на паперти поставить? Мне не подадут, больно хорошо одета.

– Светоч хорошо чувствует ложь. Завтра ты сможешь стать кем угодно. И княжной, и полотёром, блудницей или женой трактирщика. А сегодня ты – моя закладная. Так что закрой свой грязный рот. – Прожевав кусок, глянул на метку. Тень на неё вот-вот наползёт. – Время вышло, в путь. Через пару вёрст будет хутор. Там заночуем, если на то будет милость богов.

– Не командуй мной, чернь. Я ещё не насытилась. Пойдём тогда, когда Я дам на это позволение, – опять подняла голос барыня.

– Как знаешь. Нагонишь, если захочешь. Да встретишь ты полный рассвет. Пойдём, Вероника, скоро стемнеет, а нам ещё до Хутора нужно добраться. – Быстро собрав припасы и перевесив через плечо обе сумы, взял девчонку за руку и пошёл по дороге. Последний раз Я был так же зол, когда Курва попался в амбаре и обещал вырезать наш выводок. Выйдя на дорогу, огляделся Даром вокруг себя. Не было опасности и зверья, красного пятна сопровождающего и золотого сияния Старшего Брата.

– С тятей всё будет хорошо? – тихо произнесла Вероника.

– Он умеет за себя постоять, на Юг же шёл один, через лесолесье и опасности. И в этот раз всё будет хорошо, – успокоил Я девчонку.

Мне показалось на миг, что Храмовник прощался со мной, отправляясь на облаву за охотником. А мы, неспешно топая по дороге, были всего лишь приманкой. Тотчас отогнал от себя дурные мысли, думать нужно о долге. Перед сироткой, городищем и словом, данным ветерану. Снега была немного, по щиколотку, но под ним скрывались ямки и корни деревьев, о которых время от времени спотыкалась Ника, непривычная к ходьбе через лес. Позади раздался голос Забавы.

– Погодите меня. – Мы же не обратили на то никакого внимания, и через сотню шагов она нас нагнала. – Ты тоже решил меня бросить, как твой старик? А как же слово северянина?

– Я не давал слова, что насильно буду тащить тебя в град. Также не клялся, что выполню любое твоё пожелание. Ежели ты решила посвоевольничать, не взирая на обстановку, то тем самым сделала свой выбор. Ранее ты не роптала из-за Храмовника, опасаясь его гнева и того, что он может оставить тебя одну. Только он ушёл, как сразу поменялась. Мне нет дела до твоих обид и чаяний, ты – взрослая Дева, хоть и не можешь принять изменения своего статуса, – спокойно выговорил барыне.

– Я – законнорожденная Княжна, мои предки все были Благородными, и такие как ты нам прислуживали. Потому смири свою гордыню и прими мою волю. Богом было дано нам Правило – кому княжить, а кому служить. И никакой человек не в праве ту долю изменить. Моя исключительность в том, что Я знаю, как нам выжить. Потому ты должен передать мне казну, дабы Я могла ею верно распорядиться. А то, что мой братец ляпнул в горячке, не меняет моего Права от рождения! – задрал нос, поучала меня Забава.

– Где топор, что Я отдал тебе для защиты? – разглядев пустые руки Девы, промолвил Я. – А сума с остатками еды? Топор можно было хорошо продать, он не для лесоруба, а для воя. Снедь пригодилась бы для вечерни, дабы сберечь монету. А по счёт моей казны, деньга, которую Я получил за службу Царю, принадлежит Храму и Церкви и будет потрачена на их нужды. Поведай мне исключительно благородная и законнорожденная, как ты распорядилась своей шкатулкой с камнями и кем ты, кроме десятка тёток, управляла? Молчишь... Скажи мне, сколько тебе нужно монет, дабы ты ушла добровольно в ближайшем хуторе?

– Мне нужно всё. Я пожертвую Северу, как только встану на ноги и освоюсь в большом

граде. Пойми, дурачок, тебя облапошат на первом же торжище. А мне нужно лишь весточку передать, что Я вырвалась из Китеж-града. Всё наладится.

– Он ушёл на Юг с Ярлами. Готовится к войне, что развязал, и зализывает раны после нашей встречи. Потому решение есть такое. Ночёвка в хуторе, затем на санях до града. Там мы расходимся. Тебе оставлю подъёмные. – Что Я мог ещё сказать этой спесивой Деве? Откупиться от неё – для меня лучший выход.

– Какие раны? Его не берут сталь и стрела, огонь и мороз. Он – само совершенство. Он живёт и властвует с начала Исхода! – восторженно изрекла Забава.

– У него три пальца на руке, обожжённое лицо и больше нет костяного копья на хвосте. За двести сорок лет он так и не нашёл себя в этом мире. Его интересуют лишь власть и исполнение желаний. А люд для него просто инструмент, каким была и ты. Ты могла быть женой Князя, а стала лишь опальной девкой, без роду и племени. Такая ему больше не нужна.

– Заткнись!! Он неуязвим!! – прокричала Барыня.

Я остановился, потянулся к сапогу. Княжна в испуге попятилась назад. Медленно Я достал прощальный подарок Любомира и предъявил на показ. У Девы подкосились ноги, и она бухнулась коленями на снег.

– Это... этого не может быть, он мне говорил. Но три пальца и ещё кисточка. Всё ложь... – Сквозь слезы и всхлипывания прорывались слова опальной.

– Беги за топором и остатками снеди. Мы пойдём медленно. Не успеешь затемно, ворота хутора закроют. Без выполненного наказа не возвращайся, не приму. Я долго терпел твой гонор, а ты восприняла это как слабость. Беги быстрее, возможно, успеешь... – резко высказал своё недовольство, запрягал трофей и потянул за руку найдёныша.

Оглянувшись, увидел, как Забава сначала медленно брела, а затем перешла на бег...

– Дядь, зачем ты так с ней. Она не плохая, просто балованная. А ещё много знает про прически и наряды, – пожурела меня Ника.

– Когда детки балуют, их наказывают. Мой наказ ты слышала, то не порка и не унижения. К добру нужно относиться с благодарностью, а не оставлять его в лесу, потому что руки устали. Мы её немного подождём. Ушли-то недалече, не более версты. А Я за ней отсюда присмотрю, – успокоил Я сиротку.

– Так, то правда, что ты за много вёрст видеть можешь, как Финист-Ясный Сокол? – изумилась девочка.

– Правда. А кто такой Финист? Расскажешь? – подогрел Я ожидание разговором.

Мы немного посмеялись и делились историями. Сиротка была очень любопытной, наверное, как и все детки. Я согревал её маленькие ладошки дыханием, пока не обнаружил Даром плетущуюся шагах в трёхстах Деву.

– Можем идти. Нагонит, а то сами околеем тут. – Указав на Забаву, Я успокоил Нику.

– А ещё Я две буквицы могу написать. "Веди" и "Людие". То первые в моём имени и имени рода, – похвасталась мне Вероника.

– Веди значит: ведаю мудрость на небесах и земле. А Людие, объединенные миром Люды, – голосом наставника сказал Я. – В городище ты бы уже знала буквицу и счёт. Дев с измальства тому учат. А Я тебе покажу, как имя своё написать. Не замерзла ещё? Потерпи немного, к вечеру уже будем в тепле.

– Ежели и там горя не случилось... – лягнула догнавшая нас Дева. – Держи свой проклятый топор и объедки. Как же мы без них до града дошли бы?

– Не ёрничай. Это твой ужин. А ежели Я топор возьму, то оборонять тебя не смогу.

– Дядь, давай Я немного понесу топор. Мы за него деньгу выручим, а ты мне за то леденец купишь.

– Что значит – мой ужин? Ты мне подъёмные обещал или измываешься надо мной? А оружие Я сама сторгую. Это же подарок или отымешь? – С вызовом произнесла Забава.

– Ну раз подарок, то ты его и неси, – подытожил Я спор.

Мы успели в аккурат перед закрытием. Дозор уже ставил факелы и поджигал жаровню, дабы не околеть на посту.

– Кто такие? – отозвался грубый голос со стены.

– Путники, кров и приют ищем, – крикнул Я, пытаюсь перекричать метель.

– У старосты постоялый двор. Законы соблюдать, вести себя чинно и с уважением, – голос немного подобрел.

– Так и будет, уважаемый, – отозвался Я.

– Мишка, открой дверцу. Гости в нашем селении. Проводи их до старосты, чтобы не шастали без присмотра. Трое, кажись, супруги с ребетёнком.

Забава только хотела возмутиться, как Я положил ей руку на плечо.

– Так будет лучше, нежели бы тебя за добычу считали. Лишнего не говори, веди себя скромно, – дал указания Деве, схватил покрепче Нику.

Дверь отпёрли и запустили внутрь. Наш провожатый оказался молодым парнем, что напускал на себя важности и раздувал грудь. Из оружия у него лишь строганная палка, заостренная кое-как. Вся спесь из него вышла, только он узрел мой меч, а у Княжны – боевой топор. Понуро поплёлся вглубь хутора, указывая нам путь.

– Вот тут. Хозяина зовут Пал Степаныч, любит честность и чистоту, потому ноги обметите веником перед входом. Бывайте, мне на пост пора. Всю ночь буду ваш покой охранять от врага и нечисти. – Закинув на плечо палку, пошёл походкой бывалого воя.

– Дядь Босиком, а чего он петухом тут так ходит? Грудь вперёд, ноги в развалку. Он где таких воев видел? – засомневалась в доблести стражника Ника.

– Так, наверное, ему удобнее шагать. Может, отсидел чего или плетей поймал... А так-то Парень у дела, покой сторожит. Потому нужно с почтением к Честному труду относиться. Пойдем во внутрь, обогреемся да поесть не мешало бы.

Постоялый двор разительно отличался от трактиров, тех, что Я видел раньше. Тут, скорее всего, по-домашнему, нежели гостевое. Длинные полаты за единым столом, занавески на окнах да масляные лампадки. Самого хозяина Я не увидел, оттого, зайдя вовнутрь, постучал об стол да окликнул.

– Кого там в такую погоду принесло? – раздался громовой голос. Затем в горнице показался и сам хозяин. Здоровый муж, почти в две сажени ростом, веса не менее осьми пудов, смотрел на нас грозным взглядом из-под широких бровей. Я внимательно изучил его, перед тем, как ответить.

– Мира этому дому, будь здрав, Павел Степанович. Просим приюта на ночь, поесть бы с дороги да пару советов спросить.

– Деньга есть? – сверля глазами нашу троицу, вопрошал Муж.

– Имеется. Заплатим всё по совести, если цена честная, – ответил Я.

– Деваться вам всё равно некуда. Но лишнего не спрошу. Воды велеть набрать или баньку желаем? Застелено всё чистое, потому не потерплю грязь.

– Баня не помешала бы, но раньше поесть нужно.

– Добро. Присаживайтесь за стол, вскоре всё подадут. – Сам Здравяк присел во главе стола. Мы сели с краю. Первый от хозяина Я, за мной Ника, а крайней Забава.

– Откуда путь держите и куда? – начал расспрашивать нас Муж.

– Из Китеж-града идём на Север.

– О, как. Далече и время не лучшее для поездки выбрали. Видать, нужда в том есть. А сами кто такие будете? На семью не похожи. Баба вона отдельно села, хотя знают все, что подле мужа должна быть по правую руку. Вместо неё девчушка, но не сестра и не родич, не похожи ни лицом, ни повадками. Стало быть, чужая. Ты раньше сел, а меч держишь так, будто оборонять решил, а мне доверия нет. Значит, защиту им предоставляешь, но не как наймит. Скажешь честно, заночуешь. Промолчишь ежели или соврёшь, то после ужина идите в ночь. У нас тут чужаков не привечают, – размышлял вслух владелец дома.

– Северянин, сиротка и опальная Благородная. Путь держим в городище. Возможно, к нам присоединится мой Старший Брат.

– Городище оно больно далеко... – начал было говорить Муж.

– Север ближе, чем ты думаешь, – перебил его услышанной присказкой.

– Полно тебе, убедил. – Здравяк повернулся в сторону кухни и крикнул:

– Катрин, неси закуску да баньку сделай. Опосля за стол всем родом и гостями сядем. – Кивнув мне головой, собрался было уходить, как Я его остановил.

– Павел Степанович, а поведайте мне, в каких богов Чёрный Дол верует, дабы не нарушить устои или законы. Сильно обяжите, так как не увидел у вас капища или кумиров. На занавесях и домах нет защитных знаков или рун. Ставни без узоров и дома построены иначе, чем на Севере или Юге.

– Что же. Правильный вопрос и своевременный. Родоверы мы. Верим в единое начало мира и живём одним родом. Потому все жители этого селения – родня. Но за ужином ты всё увидишь. Вкусите пищу и примите одежду для купания, ваши вещи можете оставить на чистку. Позже мне нужно с тобой поговорить, северянин.

После лёгкого перекуса, дабы не идти с полным животом, Я отправил Забаву и Нику в баньку, а сам вышел на улицу. Я не мог многого вспомнить про Родоверов. Верят в то, что две птицы родили яйцо, из которого впоследствии появился Мир. Одна Алконаст, а вторая.... Не помню или не знаю. Живут общиной и всё добро общее. Супругов выбирают и выкупают в других деревнях и сёлах, дабы не мешать кровь. Дети общие, а самое большое наказание тут – изгнание и забвение имени. Окинув Даром посёлок, увидел, что весь люд собрался в большом амбаре и лишь староста и дозорные были не с ними. Со стороны леса темнела угроза, и маленькое золотое пятнышко светлело на Юге. Я скоро заскочил в горницу, схватил меч и побежал к воротам. Дозорный выскочил из сторожки, направив мне в грудь копьецо.

– Куды прёшь! До рассвета нельзя выходить.

– Там мой Брат. Он ждёт подмоги.

– Ты за него ничего не говорил.

– Я сказал старосте, что жду его к вечеру.

– Мишка, спроси отца, правда ли то. Я посторожу. А ты, гость, дёрнешься, стрелу поймашь.

Скоро пришёл Михаил.

– Велено пустить северянина. Казну и вещи он в доме оставил, – важно произнёс Дозорный.

– Ну, дык и чаво стоишь. Открывай калитку, – раздался голос сверху.

Я бежал, что есть мочи, к бледному золотому огоньку. Чем ближе Я был, тем отчётливее видел раны Храмовника, а за спиной Брата горели голодом десятки глаз.

Глава 4. Догнать уходящее время

– Нашел всё-таки меня, крестник. А Я уж и не надеялся. Подставь плечо, проще будет доковылять, – сквозь стоны проговорил Старший Брат.

– Как же так получилось? Кто Вас поранил? – Участливо спросил Я.

– Перевертыши, сучье племя. Вчера мог догадаться, кто Маре Бабу слепил да шnurки подрезал, ох и позлили они её. Кха-кха. Позже поговорим. А то силы теряем да отвлекаемся почём зря, – проскрипел сквозь зубы Сет.

Последние сотню шагов Я уже тащил тяжёлое тело Ветерана, а от ворот глядел Дозорный и даже пальцем не повёл помочь мне. Факелы освещали площадку у ворот, играя с лежащими толстым слоем снежинками, а на свежевывавший снег падала горячая кровь северянина.

– Открывай калитку! – Крикнул Я.

– Кто такие и цель вашего визита в Черный Дол? – раздался прежний голос.

– Ты же только что меня выпустил. Уже забыл? – изумился вопросу.

– Скажи ему, он пока не услышит от тебя правильный ответ, не впустит, – прохрипел ветеран.

– Путники, ищем кров и стол. Один подраненный.

– Доложи старосте, что у нас гости, – приказал Старший.

Я усадил Брата на землю, так как сил поддерживать его стоящим не было. Вскоре пришёл Михаил и о чём-то доложил, а сторож на воротах произнёс заученный текст:

– Постоялый двор у старосты. Законы соблюдать, вести себя чинно и с уважением.

Мишка, проводи путников.

Парень открыл сторожку и направил на нас копьёцо.

– Подсоби с раненым, – взмолился Я.

– Никак не можно. Ежели путник не в силах дойти, то мы оставляем его за воротами.

– Не спорь с ним, Босик. Староста должен дать мне добро на нахождение в Черном Доле, иначе отправит за забор, – тяжело произнёс Сет, упёршись на подставленное плечо, медленно поднимался. – Уж такие они, родоверы. Только семья и Род важны, остальное всё временно.

– Ты знаешь правила, старик. Следуйте за мной, – медленно и чинно шёл впереди Михаил. Дойдя до постоялого двора, вновь обратился к нам. – Хозяина зовут Пал Степаныч, любит честность и чистоту, потому ноги обметите веником перед входом. А Я пойду в дозор, охранять селение от ворага.

– Иди вперёд, мне нужно подвязать порезы, а не то залью их горницу кровью. Ежели отец поселения спросит за меня, расскажи о ранах и моём уважении Дома. Не могу зайти грязным.

– Понял тебя. Попрошу тряпицы и бинты. – Я прислонил Брата к стене и помог снять куртку.

Зайдя в дом, изумился переменам в нём. Стол был совсем другим, а ранее потушенные свечи горели через одну. Накрытый праздничной тряпицей общинный стол уставлен лоханями. А слева от него стояла бадья с чистой водой и стопкой уложены чистые полотенца. Слева стояла кадка поменьше, а к ней приложены тряпицы иного цвета. Как Я понял, для нас. Привычно постучав по столу, окрикнул Старосту. Павел Степанович ступал важно и

уверенно.

– Тебе бы стоило быть в бане, негоже за стол с грязным телом или мыслями садиться, – нахмурия брови, произнёс он. – И где твой Брат, северянин?

– Брат Сет не может зайти в общинный дом, раны его кровят. Из уважения к Вашим обычаям и общине, просит принять на постой. Сам он на крыльце. Прошу позволения остаться ему и, если имеете ненужные тряпицы или бинты, дать для излечения. Со своей стороны обещаю оплату и чистоту.

– Открой дверь, мне нужно задать пару вопросов. Приму решение, исходя из ответов.

Я распахнул двери, чтобы свет от лампад из горницы попал на раненого.

– Будь здравствуйте, Пал Степаныч. Слава Роду!

– Слава Роду! Я тебя знаю, хотя и не должен. Скажи мне, Сет, куда ты держишь путь, и кто тебя поранил?

– С Юга на Север, а бился Я с перевертышами в трёх верстах ниже по реке, – хрипло произнёс Храмовник.

– Э как, думал все эти твари ушли на Север. Что-то их сорвало с охотничьих угодий. О чём ещё расскажешь?

– Ниже по реке, в бывшей рыбацкой деревни вырезали всех жителей. Девчушка – Вероника – осталось одна. Маровы приспешники подняли сотню утопцев.

– Нам-то какое дело? – с улыбкой произнёс Староста. – Забор крепок, люди здоровы, а амбары полны снеди.

– Их подняли под приказ и за один день. Подкладом был сын старосты и, как ты понимаешь, это дело рук не болотных ведьм, – с вызовом сказал Старший Брат.

Павел Степанович задумчиво потёр подбородок. Затем кивнул головой и изрек:

– Я получил ответы и принял решение. Остаться могут только трое в качестве гостя. Или кто-то из Вас входит в Род или уходит из посёлка.

– Сынок, помоги дойти до ворот. Значит, пришло моё время, – кряхтя произнёс ветеран.

– Но так же нельзя! Должен же быть ещё какой-то выход! Что значит, войти в Род?

– К чему терзания? Баба тебе чужая, а нам она принесёт много новых сыновей и дочерей. А ежели у самого есть виды, оставь сиротку. Будем за родню, как и все мы тут! – сразу же проговорил Хозяин.

– Я дал слово, что доведу её до града, а Веронику – до городища. Мой крёстный не заслуживает такой смерти, его растащит на куски зверьё, и даже тризны не сыграю. Потому мой черёд идти за ворота. – Принял решение за всех.

– Одумайся, сынок. Отдадим обузу и освободим руки. Да и местные знахари меня до обедни на ноги поставят! – Прошептал синими губами Брат Сет.

– Нет другого решения, крёстный. За забор уйду сам. Завтра с утра зайду вновь. – Повернувшись к старосте, произнёс. – Я уважаю Ваши обычаи, в ответ прошу об одном, проявите заботу ветерану Северных Пустошей.

– Не торопись, сначала оттяни своего Брата в баню, приведите себя в порядок и отужинайте. Голодные от родоворов не уходят. – Раздраженно произнёс Павел и захлопнул дверь.

Я схватил брата за руку и начал поднимать. Перекинув руку через шею, потянул к помывочной, благо видел, куда уводили моих попутчиц. Старик сначала хрипел, с трудом наступая на ногу, а затем разошёлся. Чуть позже рассмеялся.

– Задал ты ему задачку, сынок. Ха-ха. Я раненый, от того не гожусь в большой посев. А

ты мог покрыть двоих-троих за ночь. Теперь Хранитель Рода будет думать, что лучше для его дома. А правило трёх он отменить не может. И ещё, Я тебе благодарен за топор, будто легче стал вдвое и кости он как верёвку рвал. Ежели не твой Дар, остался бы в лесу без вестей, а так, может, и смиляется Мать-Земля и даст мне встречу с Химерами.

В бане было сильно натоплено, отчего Я быстро покрылся испариной. Раздев брата до нательного и стянув с него рубаху, ужаснулся его ранам. Помимо новых рваных порезов, в большом количестве тело покрывали шрамы, увечья и синяки. Руки так вообще покрыты паутиной белёсых и розовых линий разной толщины и протяженности. Звание Ветеран запросто так не дается.

Разделся сам, стесняясь своей наготы. Отведя брата к воде, принялся оторванным рукавом нательной рубашки смывать кровь, стараясь не потревожить раны.

– Полно тебе. Сейчас знахарь и помывальницы придут. Иди сам распарься немного. За меня не переживай, вытяну. Ежели бы не время к вечерне, то расспросами замучил бы нас староста, в надежде, что околею. Мне налей в черпак воды из во-он той кадки. Там она родниковая. Как на Юг попадаю, напиться не могу, зубы уже сводит и живот болит, а Я всё жаждой по чистой водице одержим.

Выполнив поручение, направился в парную. С трудом открыв тяжелую дверь, тут же присел на корты. Из натопленного помещения так обдало жаром, что уши загорелись, а незатянувшиеся ожоги напомнили о себе. Пригнувшись, зашёл в помещение и прикрыл дверь. Печка парила знатно, наполняя тело невиданной раньше негой и истомой. Мысли выветрились, погружая всего в странное, необычное состояние. Счёт времени Я потерял, очнулся после громких шагов в предбаннике и разговора.

– Плох совсем, но вытянет. Двужильный. Давай, девоньки, отбейте с него коросты, а Я пошью немного да латки поставлю. Какой цвет выбираешь, северянин?

– Синюю, как небо или зеленую, как земля, – глухо отозвался раненый.

– Всё надеешься увидеть чистое небо и травушку без порчи? Второй где? Тая, глянь в парилке.

Дверь распахнулась, и зашла крепко сбитая Дева с толстой косой на груди. Из одежды лишь купальный сарафан. Увидев меня прикрывающим стыд, рассмеялась по-доброму:

– Туточки он, голенький и смущённый.

– Кинь ему рубаху, чтоб прикрылся да пусть выйдет.

Кое-как натянув рубаху на мокрое и вспотевшее тело, Я поспешил в предбанник. На палатах боком лежал нагой Сет, а седой Муж тянул иглой нить, прижимая пальцами края ранки. Знахарь оторвался, глянул на меня.

– Ух ты ж. Редкий гость в наших краях, да ещё и светится ярко. Хворый только телом, что же, будем радушными хозяевами, как предки завещали. Маланья, готовь тесто на семечках. Будем банькой лечить да мёртвый хлеб печь, – отдал он приказ второй деве, что стояла с тряпками и бинтами поотдадь. Та, передав поклажу Тае, выбежала на снег голыми ногами и помчалась по улице.

– Свезло тебе, сынок, большую честь оказали, или Мать-Земля награду определила. Такое не часто бывает, будто подвиг свершил али имя защитил. Поведаеть?

– Меня вызвали на Суд Богов на Ладье. Последователь Одина Рагнар, Я его приговорил за хулительство Отца нашего, – робко ответил ветерану, боясь, что воспримут как самохвальство.

– Что?! – вскрикнул Брат, зайдясь кашлем.

– Ляг смирно, нитки расходятся, – проворчал Знахарь, слегка ударив по голове раненого. – Ну, раз Суд Богов определил, нам тогда судачить не о чем.

Стежки ложились легко, а игла порхала в руках мастера.

Тем временем появилась Маланья. Раскрасневшаяся с мороза, с трудом тянула большой тюк с мукой и мешок с различной утварью.

– Тая, вяжи деда тряпицами, да не в натяг, а с послаблением. А ты, молодой, раздевайся да садись на лопату, – произнёс Знахарь, откинул шкворню и разогнал угольки. Кинув добрую жменю можжевельника, топнул ногой. Затем закружил рукой выходящий сизый дым. Банька наполнилась приятным запахом, а от дыма защипало глаза. Лекарь начал раскачиваться в такт.

– Пойду да нарву травы.

Да поутру и с росой.

Поклонюсь на четыре стороны.

Мать-Земельца выносила-а-а.

Отец-Небо напоил-л-л. Огница сестрёнка согрела. Ветер брат раздул-л-л-л, – растягивая окончания, пропел-проговорил Муж. Топнув второй раз босой ногой, хлестанул меня ветками по спине и плечам, царапая их. Помощница тут же растянула узел с опарой. К запаху дыма от хвой прибавился кисло-сладкий запах сырой сдобы и закваски.

– У семи дорог травы собирал, на семи ветрах просушил. Тело бледное страдает от болячек. Душа хворающая бежит из клетки. Дело ратное зовёт, труд честной застаивает. Дайте травы заговоренные, дайте хлеба кошеные силушку. Водица родниковая, оживи плоть, Огонь да зажги свет. – Голос громкий по началу спустился на шёпот, одурманивая разум и выметая мысли прочь из головы.

Краем глаза Я заметил, как Девы обнажились и обходили вокруг меня, намазывая моё тело опарой и посыпая зёрнами и мукой. Всё быстрее и быстрее кружились Тая и Маланья, закутывая меня в кокон из теста, и лишь голова была открытой.

– Хватит. Тяни его в печку, – произнёс Знахарь, а сам кинул из мешочка что-то синее. Порошок вспыхнул ярко, и от его света Я потерял сознание.

Очнулся Я по привычке от голосов.

– Смотрите девки, совсем чёрный хлебушек, но то не зло, что сам причинил, а то зло, что руками разгребал, потому и пачканный злом, как сажей. Не всё бело, что чисто. Как оторвете всё от кожи, тащите в помывочную. Смотри, чтобы хлебушек скотина или люд не съел. Горя не оберёмся. А с тобой, старик, пойдём готовиться отужинать, есть о чём побалакать старым людям.

Затем пришли чувства. Чужал, будто кто-то отрывает от меня кожу и тут же смазывает место холодной мазью, что затупляет боль и даёт оздоровление.

– Молодой совсем, а Трофим сказал, что он – Святоч. Как из сказаний...

– Та ну, те же – богатыри, считай, а этот малохольный, да ещё и лысый совсем.

– Дура ты, Тая, видишь ожоги не сошли ещё. Горел парень и совсем недавно.

– Сама ты дура или виды на него имеешь? Собралась просить отца, небось? Тебе лучше к ветерану, он в том деле толк знает, быстро тебе тропинку к детям проложит во Славу Рода! А с молодым заблудитесь по дороге.

– У самой-то глаза горят. Хочешь новой крови получить, забыла уже про Михаила? А он из-за тебя в дозорные подался. Служит теперь вместе с лучником Еремеем. А тот нелюдимый совсем, – отозвалась Маланья. – Хватит болтать, давай обмоем его, а потом к

ужину готовить нужно.

Меня перевернули на живот и начали тереть щёлоком. Смыв остатки теста со всего тела, мягко просушили полотенцем, аккуратно промокнув обновлённую кожу.

– А если отец не принял решение, оставить ли его на ночь? – неожиданно спросила Тая.

– К чему тогда рубашку обрядовую принесли? Побуди его, нужно имя выпросить да порадовать с новым рождением, – отозвалась Маланья.

– Очнись, добрый молодец. Время праздновать, – похлопывая меня по щекам и плечам, дождалась, когда Я очнусь.

Раскрыв глаза, узрел двух обнажённых Дев, что не смущались своей наготой, а больше пытались меня раззадорить. Дар указывал азарт и предвкушение.

– Как имя твое, зановорожденный?

– Я – брат Церкви и Храма, Светоч Путеводный, Босик. Расскажите, к чему меня готовят?

– То Хранитель общины скажет, а нам не велено. Вещи твои на чистке. Возьми одежду приготовленную да поршни. Ждём тебя в общинном доме, – произнесла Маланья.

Девы натянули сарафаны и, весело смеясь, помчались на перегонки по чистому снегу. Я глубоко вздохнул приятный запах трав и хлеба, а затем оделся. Неожиданно для себя решил пройтись босиком по белой скатерти-тропинке. Потому, перекинув обувь через плечо, вышел на улицу. Тело сразу же стало исходить паром, а лицо приятно защищало от мороза. Забытое чувство, когда ноги ощущают Мать-Землю, все неровности и ямки, но между тем, ступается легко и свободно. Скоро преодолев короткую дорогу до светлицы, постоял немного перед крыльцом, ловя одинокие снежинки, затем открыл дверь.

В натопленной горнице ноги закололи с мороза, Я тут же надел просторные поршни. За столом сидел весь посёлок по своему распорядку, а гости были на краю, ближе к двери. С моим появлением тут же вскочила молодая дева из местных и подошла к лоханке с водой для умывания. Перекинув через локоть полотенце, набрала черпаком водицу и терпеливо ждала меня. Поклонившись Люду, Я подошёл к девице, обмыл руки и лицо. Приняв тряпицу, обтёрся да вернул обратно.

– Что же, время потчевать гостей да праздновать. Займи свое место, Светоч. Сегодня наш Род видит троих путников пред собой. Каждому досталось от щедрот наших, согласно нашему укладу. Герою Севера Босику и Ветерану Юга Сету мы даровали избавление от болезней и ран. Сиротке Веронике оберег на долгую жизнь и наше позволение свободного посещения поселения, в надежде, что она найдёт свой дом или примет наш. Долгие беседы вести не будем, и так задержались с трапезой. Гуляй поселение ярко и жарко, как в последний день. Слава Роду!

– Слава Роду!! – грянуло в ответ.

– Тая, Маланья, уважьте гостей, – приказал Павел Степанович.

Знакомые мне по бане Девы проворно соскочили с лавок да обнесли морсом и едой наши лохани и чаши, лишь Забаве не предложив ничего. Я удивлённо раскрыл глаза, но под столом меня ударил ногой Брат Сет. Затем наклонился ко мне и произнес на ухо:

– Чтобы Забава смогла остаться в поселении на ночевку и тебе за ворота не выходить, всем объявили, что она твоя раба по праву закладной. А раз это твоя собственность, то и ухаживать тебе самому за ней нужно. Надкуси хлеб в первую очередь, прояви уважение к дому, во вторую – пригуби из чаши напитка родового, можно сказать, почти без хмеля молоко на травах и мёде, чуть крепче кваса. Кутьи ложку прими в третью очередность. Потом

можешь со своего стола переложить барыне. Но кушать начать можно после Хозяина. Гляди во все глаза, только Даром не пользуйся, и так светишь на всю горницу, Люд смущаешь. – Ветеран отстранился от меня после этих слов и оглядел стол.

Напротив сидели девки и всю кидали голодные взгляды на нас с Братом и завистливые на прислуживающих нам Дев. Поотдашь, ближе к старосте – мужи, раньше восседали седые и с окладистыми бородами, а чем дальше от Главы, тем моложе со смешными чубами на голове. Детей и старух Я не видел совсем – или их нет, или в яслях да в дальних домах живут.

– Воздадим почести Отцу Роду, что уберёт наш Дом от зла и страданий. Слава Роду! – крикнул староста.

– Слава Роду !!! – отозвался стол.

Павел Степанович поднялся, протянул руку к большому караваю и переломил его надвое по подготовленному заранее срезу. Себе оторвал немного с каждого куска и пустил хлеб по обе стороны. Принявший подношение кланялся, отбирал себе ломоть и передавал дальше. Дошла очередь и до нас. Старик поднялся, принял хлеб на вытянутых руках, поклонился Хлебу, затем столу, опосля – Хозяину, оторвал кусок Веронике, положив перед ней, затем себе. После развернулся и знаками показал повторить. Мне ничего не оставалось, как последовать за ветераном. В чужое поселение со своим правилом не ходят. Глядя на наши действия, Люд одобрительно зашептался. Значит, высказали уважение. Оставшиеся куски тотчас перехватила молоденькая девчонка и понеслась в сторону ворот, угостить стражников.

– Разделю с Вами свой хлеб, свой кров и свои печали, свою радость и ложе. Мы есть дети Рода, непослушные, спесивые и глупые, как и все остальные. Но знайте, родичи, знайте, гости, что Я есть это поселение, Я есть дом и уголь в камине, Я есть свет в лучине и вода в колодце. Потому нанеся мне или кому из родичей обиду, вы огорчаете всё поселение. А поселение ответит быстро. А ежели с заботой и любовью вы согреете меня, то и каждый дом, каждый муж или дева вернёт вам сторицей. А сейчас время отужинать. – Долгая проникновенная речь старосты произвела на меня глубокое впечатление.

Я глянул Даром на горницу и обомлел. Исключая нас пришлых, весь стол был залит одним цветом, как единое тело. Брат горел азартом, Забава стыдом, а сиротка любопытством. Как только староста вкусил хлеба и отпил из чаши, все последовали его примеру. Каравай был ещё теплым, оттого и вкусным. Напиток в меру терпкий и сладкий, а вот кутья мне пришлась не по вкусу. Пресная и водянистая. Высказал дань традициям, все довольно улыбались в предвкушении ужина. Слово вновь взял Павел Степанович:

– Мы разделили хлеб и соль, пора бы и насытиться в этот Святой для нас день.

– А какой сегодня день? – спросил Я тихонько ветерана.

– Сегодня неделя, последний день седмицы. (Неделя – старое название воскресенья, до крещения. Означает: нет дела или не делай). День памяти предков и заветов их. Поминальный день уже у них был, обычно собираются в общинном доме да празднуют жизнь, не забывая при том о смерти. – Подсказал мне Храмовник. А тем временем на столе показались угощения, а маленькие розетки с кутьей забрали. В деревянную лохань навалили варёных корней, хороший кусок мяса и тушеных овощей.

– Не забивай живот сильно. Сегодня у тебя ещё есть важная задача! – Заговорщически произнёс Сет.

– Какая? – изумился Я.

– Отплатить добром за излечение, стол и кров. Они не привечают чужих или соседей, так как считают их временными людьми. Для них важен лишь их собственный Род.

Поскольку посёлок закрыт, то и связь у них лишь внутри поселения, а свежая кровь им ох как нужна. Считай, что рыбацкая деревня для них мертва, с поморами они не особо дружат. А следующая деревня или в пятнадцати верстах выше, или сама в нужде. Вот и катаются по слабым Родам, меняясь кровью. Полно тебе переживать, ты пышешь здоровьем после баньки.

– А где все детишки у них? И стариков не вижу.

– Празднуют жизнь только те, кто могут её дать. Таков закон. Тут за столом только такие, да и мы – гости. Забаве-то отсыпь еды, а то измаялась девка, не привычно ей быть бесправной.

А праздник жизни только разгорался. Подавальщицы несли и несли еду, подливали слабый хмельной напиток, но мне, с непривычки, крепко ударило в голову. Местами Люд смеялся, кто-то вёл разговоры, а меня все чаще задевали за плечо, теребили рубашку и прижимались телом. Всё вокруг мельтешило, Девы сменялись Мужами, которые задавали различные вопросы и просили рассказать басню или былинку. Лишь староста сидел ровно и безучастно, пережёвывая хлеб и запивая его простой водой.

Голова моя всё чаще клонилась к столу, вдруг чьи-то настойчивые руки обняли меня за плечи, затем потянули в глубь общинного дома. В комнате, освещённой лампадками и свечами, было жарко. В руки тотчас подали прохладный и терпкий напиток, от которого мысли выветрились, а сознание улетело. Очнулся Я лишь утром, нагим и в окружении сопящих дев. Двое мне были знакомы – Тая и Маланья. А в третьей с трудом признал Забаву. Стараясь их не разбудить, Я выскочил из кровати, оделся и подпоясался, поршни не нашёл и на цыпочках вышел прочь. Босым спустился в светлицу, где восседал Павел Степанович.

– Ты рано встал, северянин, – произнёс зычно сидящий за столом староста, при том даже не обернулся. – Я не слышал шаги, просто знаю обо всём, что происходит в поселении Черный Дол. Присядь за стол. Нужно поговорить.

Я не стал отказываться от приглашения, лишь сначала подошёл к бадье да обмыл руки и лицо.

– Трапезничать будем позже, а пока выпей молока и хлеба.

Тут же из-за его плеча выплыла Катерина с крынкой и завернутым в тряпицу караваем. Староста улыбнулся.

– Род принял твоё семя, значит, будет жизнь и будет расти наши поселение. У тебя вчера были вопросы, на которые ты получил не совсем полные ответы. Старики у нас доживают свои дни в отведённом доме, возятся с детьми и учат их нашим законам и правилам. Не скромничай, выпей молока. Дети у нас общинные, значит, до созревания мы все – их родители. Когда Я стал старостой, много лет назад, у нас было всего шесть семей и одна повозка с добром. Всё, что ты мог увидеть здесь, построено и сделано руками родичей. Позже к нам присоединялись семьи, но многие были не готовы делить всё на всех. Верили в своих богов и жили особицей. Искали выгоду, алкали лучшую долю, прятали припасы и не делились кровью, такие уходили навсегда. Их имена преданы забвению, а ступить на землю родоверов они более не могут. Трудно объяснить чужакам, что главное – это РОД, и если всему РОДУ хорошо и сытно, то и РОДичу ровно также. Вы – северяне, нам близки по духу, просто Ваша Мать-Земля и Отец-Небо есть две чаши одного яйца, что мы зовём Родом. Вы честны и самоотверженны, за малым исключением, и уж точно Я не про благородных говорю. А уж про светочей сколько всего прознали, ты такой же, как мы, любишь правду и справедливость, веришь в то, что люди Братья, готов отдать последнее ради цели. У нас нет

секретов и разлада, нет своего дома или угла, нет своей одежды или обуви. И мы не отдаём детей, даже если родились те болезненные или с изъяном. Один Бог, одна цель, один Род. Ты ярко светился после бани, и это отметили все. – Муж улыбнулся своим мыслям и продолжил. – Но у нас есть и беды. Воинствующие язычники на Юге. Ведьмы и тёмный Люд на западе. Людоеды и зверолюди на Востоке. Орда и изменённые на Севере. За всё время, что Я староста, нас неоднократно грабили, убивали и насиловали. Все они поплатились жизнями своими. Поморы и ушкуйники брали на меч село, но мы выходили все, как один. Дважды был мор и неурожай. Все наши правила и запреты родились от этих невзгод. Мы хотим жить и славить Бога своего и более ничего. Так чем же мы провинились перед всем Миром, что нас так невзлюбили? Маровы дети каждую зиму у наших ворот. Ведьмы шлют заклады и больных детей, дабы посеять смерть. Южане требуют дань и шлют мытарей. Лишь Север дарит нам свою кровь или заливают землю нашей. Слава Роду, мы живы-здоровы. Надумаешь после службы к нам податься, милости просим хоть одному, хоть с семьей или братьями. Но помни правило трёх. Лишь трое могут быть гостями, остальные или ночуют за забором, или для вступления в поселение пришли. Будь здоров, а мне пора готовить вам сани на Север. По счёт оплаты не беспокойся, ты закрыл своё бремя этой ночью.

Обед был скромным, но сытным. Плотно покушав и купив на дорогу провизию и один самострел, мы попрощались с Чёрным Долом. Провожать нас вышло всё селение, лишь староста не покинул общинный дом, а махнул нам из открытой двери. Маланья и Тая довольно улыбались и приветливо стреляли в меня глазами. На Храмовника смотрела другая троица, от чего ветеран приосанился и не сводил с них глаз. Покидали мы сей добрый дом в разных чувствах. Я с грустью, Брат Сет с сожалением, а Забава сгорала от стыда и прятала от меня свой взгляд. Лишь Вероника не прониклась этим исходом, а торопилась задать следующую сотню вопросов да хвасталась новой куклой-оберегом. Возничий накрыл нас шкурами, вывел сани за ворота, а затем низко поклонился поселку. Прыгнул на ящик да погнал по узкой дороге на Север.

Старик подозвал меня рукой. Я тотчас пересел.

– Сынок, смотри за лесом. Чую, не просто так староста нас раньше времени выпроводил. Значит, нашептал ему кто-то, что так нужно. Меч вынь из ножен да положи рядом, а самострел можешь сейчас взвести, только стрелку не заправляй. И чего это закладная твоя такая сегодня? Никак приключилась чего? – брат хитро моргнул мне да заржал в голос.

Я смущённый сел обратно. С той ночи запомнились мне лишь стол да пробуждение. А что было между нами, всё в тумане.

Глава 5. Северный Фронт

Сани шли легко, а за счёт широких полозьев почти не просаживались в снег. Гнедой с серыми пятнами криволап или, как их называют на Юге, лошадка, шёл бойко, выкидывая копытами снежные комья. Иногда с разлапистых веток деревьев осыпалась снежная крошка, попадала за шиворот или метилась прямо в лицо. В те моменты Вероника задористо смеялась, а Брат Сет ей вторил. Со стороны казалось, что это старый дед и его внучка едут на торжок за обновками.

Возница же ворчал на погоду, но больше прислушивался к нашим разговорам. Как мне сказал по секрету Брат, он – глаза и уши поселения, потому мы говорили больше на открытые темы. Забава оттаяла и уже не сторонилась меня, а с каждой верстой была всё ближе, пока

под предлогом холода и вовсе не прижалась ко мне. Ветеран на то шурил глаза, а Даром он светился тревогой. Меня смущали такие изменения, но тем не менее Я не отвлекался, а зорко приглядывал за лесом. Время от времени на пределе моего Таланта проскакивали пятна в лесу, но распознать Я их не мог. Когда тени мелькнули в пятый раз, решил указать на то Брату.

– Значит, поквитаться решили. Эй, возникий, прибавь ходу, засветло нужно в град заехать. Перевертыши идут по запаху твоей лошадки! – Прикрикнул Сет.

– Хорошо идём, нечего зазря погонять. Как не спеша, а днём не получится, рано Ярило нынче садится, если Род будет милостив, к вечеру доберёмся, – отозвался санник.

– Что же, значит, придётся отбиваться, – радостно произнёс ветеран, будто и не помирал вчера.

– Сдюжим ли? – усомнился Я.

– Деваться некуда, Я вчера за себя бился, а сегодня ещё и за сиротку постоять нужно. Ты, покаместь время есть, болты заговори. Да и возникий не лыком шит. Верно Я говорю, Остап? – весело спросил храмовник.

– А тож, мне для Чёрного Дола надобно товара привезти, а ежели не доеду, то ущерб принесу. Так что помогу по мере сил, – рассудительно заверил нас родовер, а сам тем временем открыл боковую крышку ящика, да достал самострел и тубу с болтами.

– Но ежели будет выбор: нам помочь или до городища добраться, что выберешь? – лукаво спросил Брат.

– Ты сам всё разумеешь, старик. Мы квиты меж собой и долга наш Род не имеет. Сани сегодня пошли только из-за памяти предков. Сказывается мне, ты большую услугу Пал Степанычу оказал давно, что он имя твоё помнит. А так... Ты уверен за перевёртышей? Лошадка ровно идёт, зверья не чует, – усомнился Остап.

– Так-то и без ветра идём, а хвостатые по лесу скачут. А как далеко, тебе мой крестник поведает. – Старик откинул шкуру да уложил поперёк её топор. – Вероника, внученька. Сядь ближе к возникему и накройся с головой, когда Я тебе скажу. Ничего не бойся, мы тебя в обиду не дадим.

– Не боюсь, тятенька, – отозвалась сиротка.

– Шагов пятьсот-шестьсот, может более, пятна разные по форме и размерам, потому трудно и посчитать, и расстояние измерить. Но раньше видел не больше пятисот. Могу и дальше глянуть, но отвар принять треба.

– Не спеша, и так слепишь. А на яркую вспышку ворог и посерьёзнее может нагряться. Раз стаей бегут, значит, ещё не решились. Так бы наперерез кинулись. Времечко есть ещё.

– Брат, опытом поделись. Чем их заборонить?

– Как и любое зверьё. Огонь, сталь да потрава. Хитрые больше, как люди, ярые как волколаки. Копьецо бы тебе больше сгодилося, но и меч хорош. И колоть, и резать можно. Будем на Севере, нужно будет тебя подучить. Обузе топор отдай, дюже она любит тяжелыми штукама махать. – Усмехнулся Сет.

Забава на то лишь улыбнулась, вспоминая свою первую сечу с утопцами.

– Ты говорил, что они последователей Мары разозлили, причём мы тут? – начал расспрашивать ветерана.

– Мы видоки, а про вражду то старая история. Во-первых, ты их в бестиарии не видел, так как они скорее зверолоуди, то есть ближе к берендеям, чем к выродкам. Ведьмы и чёрный люд хвалят смерть; берендеи, родоверы и лесной люд, напротив, жизнь, просто видят это по-

разному. Перевертыши промышляют охотой, а стойбища их стая ставит лишь на летний период, когда пищи в изобилии, а их самки тяжёлые. Как только щенки встают на ноги, считай трёхгодовалые, тут же начинается гон. Слабые и раненные гибнут в пути, остальные имеют право на жизнь. И вот думай, стая рванула на новые богатые пищей места, а на них утопцы или прочая нечисть похозяйничала, подчистую подъела всё живое. Уж не помнит никто, как первый из перевертышей в своей обиде кинулся на нежить. С тех пор и воюют. А как след свой, ставят снежную бабу, намекая, что Мара толстая, ибо жрёт много, а срок её Солнце определяет. Как приходит весна, остаётся от кумира Мары только мокрое место. А сами они весной празднуют победу жизни. Переняли повадки от своего тотема, тьфу. Обросли шерстью и не чураются человеческого мяса. А здесь на Юге частокол не больше двух полных аршин (четыре метра), а в малых посёлках и того меньше. В рыбацкой деревне наш ночной гость через забор перемахнул легко. Потому, ежели нет зверья, то и человек может накормить.

– Берендеи их не привечают из-за хитрости. Обмануть простака легко, а вот ежели обман вскрыется, то лишь вся стая отобьётся от обиженного, – отозвался Остап.

– К Вам заходят беры? – резко спросил Сет.

– Бывал один, всё просил грамоте и счёту научить. Но как только пальцы на руках заканчиваются, вся наука прекращается. Запомнил его, так как за потути наши крепко помог поселению, – ответил возникший.

– Остап, а почему в охранении лишь два человека? Михаил и Еремей? Не мало ли на такое количество людей? – задал Я вопрос.

– То для вас, гостей, стоят. Чёрный Дол сам себя защитить может, – усмехнулся санник.

– Это как? – изумился ответу.

– Тебе же за столом сказали. Мы – одно целое, ежели вороги у ворот, то все как один встаём на защиту. У Южан на сотню один десяток ополчения или стражи. У нас из сотни людей – сотня защитников.

– А дети и старики?

– А подавать стрелки и дротики? Вязать раны, приносить воду и пищу? Таскать дрова для жаровни и глазеть в лес? Тебе, если палец жечь, рука дёрнется? Голова направит взор, а тело сожмётся для отпора? Я – это Мы. Мы – это Я, – отозвался Остап. – Потому, обидев одного родича, ты обидел всех. Поморы и ушкуйники уже узнали, как это бывает, убить одного из нас из-за пустяка или по праву сильного, что будет, если насильничать одну из нас... Всех их, кто был на той Ладье, их детей и стариков, баб и дома... Род не помнит имена, но не забывает и не прощает Зло. Имя Брата Сета и берендея Мрака выбиты в памяти предков. Их будут знать и помнить моя кровь и кровь детей моих детей.

– Не горячись, Остап. Передай старосте, что за поселением следили. Больно скоро хвостатые объявились и нагнали быстро. Значит, не более, чем в десяти вёрстах, стая стоит. Вожак ранен, то – моя заслуга. А четверых они потеряли у реки.

– Хочешь сказать, что одолел пятерых, старик? – с недоверием переспросил санник.

– Я отвел их за собой ниже по реке, к утопцам. Пока стая рубилась с ними, Я подрезал вожака. Затем выбивал по одному. Лишь когда бился с двумя, меня и порвали, – улыбнулся своей хитрости Сет.

– Умно, – признал Остап. – Мы обычно так не воюем. Только от защиты бьёмся, сами только в случае смертоубийства родича можем пойти.

– Мрак от вас пару месяцев назад ушёл? – одна мысль о том, что Я знаю этого бера,

озарила меня.

– Где-то так, – признался возникший.

Крепко же захотел учиться, ежели и на Юг ушёл к родоверам, и с купцом прогулялся до торжка. Такая тяга достойна уважения. Я помню его образ сильного и волевого человека там, на поляне, когда рубились с Плакальщицей.

Оглядев лес в очередной раз, увидел мечущиеся тени, что бежали через лес, огибая деревья.

– Брат Сет, десяток рванул напрямую, скоро и сам увидишь, остальные на том же расстоянии держатся.

– Ха-х. Молодняк не справился с азартом погони, значит, и вожака при них нет. Босик, клади стрелку да бей наверняка. Остап, гляди, чтобы лошадку не порезали и её не понесло. Ника, быстро за спину возникшего и спрячься под шкуры. Началась потеха. – Брат коротко раздал указания, а сам радостно вскочил на ноги, обвязал пояс верёвкой, а второй конец кинул мне. – Привяжи к полозьям, чтобы не выбили из саней. Да и сам подвяжись. Забава, перейди на перед к Веронике, толкайся-брыкайся, но не дай себя с саней скинуть, то – верная смерть.

Сначала послышался треск веток и маленьких поваленных деревьев, а затем появились и сами твари. В сумерках смотрелись грозно: массивные тела, резкие прыжки, взрывающие снежный наст, и горящие глаза. Если волколаки – больше волки, чем Люд, то перевертыши – наоборот. Тело напоминало человеческое, лишь руки были длиннее, лицо более вытянутое и густая шерсть. Уже не скрываясь, твари рванули наперерез. Я перехватил самострел, а рядом положил меч, глазами выбирая мишень. Но тени двигались рывками, да и сани трясло, потому ни о какой точности речи быть и не могло. Из всей стаи особо выделялся огненно-рыжий. Он ярко бежал, временами помогая себе руками и обгоняя всех остальных, да раззадоривал других своими криками и воем.

– Сынок пришел за отца мстить. Тот, правда, с проседью был, – заметил его Брат Сет, а затем громко и на выдохе закричал:

– Ату тебя, рыжая псина!! Ату!..

Молодой вожак будто взбесился и резко ускорился, отрываясь от собратьев. Спустя сотню ударов сердца, вырвался из леса на дорогу шагах в тридцати, уменьшая расстояние с каждым рывком. Храмовник перевёл топор за спину, а сам потянулся к зверю, натягивая верёвку. Внезапно слева прыгнула тень наперерез движению саней, тут же щёлкнул самострел Остапа. Раздался громкий визг, переходящий в скулеж, и тень кубарем завертелась на обочине. Возникший коротко ударил вожжами по крупу криволапа да потянул струну оружия. Тем временем рыжий сделал рывок, запрыгивая на сани, и тут же последовал сильный удар. Брат Сет махнул топором снизу вверх и отсёк левую лапу и повредил рыжее ухо. Взрытый санями и копытами лошадки снег окрасился в красный. Стая протяжно завывала, потеряв за короткий миг двоих, но преследовать сани не прекратила. Храмовник выдернул у меня из рук самострел и, быстро прицелившись, метнул стрелку чуть ниже красных глаз преследователя. Заговоренная стрела прошла насквозь шкуру, разрывая ткань, а тело беззвучно уткнулось в сугроб и там упокоилось.

– Заряжай!! – Крикнул брат, а сам принялся корчить рожи, дразня стаю. Всё больше перевёртышей высыпало на дорогу, нагоняя сани.

– Без толкового вожака – просто щенки, – кричал храмовник. – Сколько стрелок осталось?

– Ещё три в тубе, – ответил Я, передавая снаряженный самострел.

Дорога круто повернулась, а старик присел от неожиданности. Тут же, привстав на согнутые ноги, выстрелил второй раз. На сей раз тени метнулись врассыпную, лишь последний не успел. Стрелка вонзилась в живот, ломая зверя пополам.

Сухо щёлкнул струной Остап, отправляя очередного врага крутиться волчком на земле, в попытках вырвать короткий снаряд из груди.

Погоня внезапно прекратилась после потери пятерых.

– Горю весь азартом. Прямо молодость в жилах плещется, – произнёс Брат, плюхнувшись на сани.

– Пройдёт скоро. То в тебе обрядовый отвар говорит, – охладил пыл Остап.

– А Я-то размышляю, что же такого произошло. Будто несмышленьши рвусь на сечу, – усмехнулся Сет. – Забава, опусти топор, а ты, Вероника, пойдёшь сюда.

– Иду, тятенька, – пропищала сиротка, с трудом выбираясь из-под шкур. – Всё спокойно?

– Босик, не спи. Огляди лесок, ждешь ли гостей?

– Отстали, вернулись к подранку. Ты скажи мне, так они люди, или нелюди? Поначалу думал – зверь, а ближе подпустили их – вроде и человеческого в них немало.

– С волками жить... То люд лесной, что отринул свою природу, а живёт по обычаям стаи. Мёртвые земли Севера их изменили сильно, потому и выглядят они иначе. Но не рассчитывай на их дружбу или попытку приручить. За вековую историю никому не удалось. Сколько перевёртыша не кормили, а он всё в лес смотрел.

– А в неволе от еды и питья отказываются да помирают от скуки и томления по воле. Ежели убежать не могут, то за Месяц сгорают, – отозвался возникший.

– Дела-а-а... – коротко произнесла Забава.

– Тятя, а расскажи про звёзды, – Ника отошла от страха и вновь начала пытку расспросами.

– Эх-х, там, далеко-далеко в небе, живут те, кого прибрал Отец-Грозное-Небо. Те, кто заслужили право уйти за бровь Бога и удостоились тризны. Еды там вдоволь, а болезней и потравы и вовсе нет. Ночью, вспоминая Мать-Землю, на которую больше не вернуться, жгут в память костры из небесных деревьев. Вот по ночам мы их и видим. Ведь что такое звезда, это есть сияние. А что далеко сияет? Костер да слава!!!

– А у нас иначе, – отозвался Остап. – Но в целом похожи былины.

– А они живые или нет? И почему ушли за Грань многие, а звёзд видно мало? – продолжала спрашивать сиротка.

– Я вижу лишь своих. Там все те, кто любил меня, кто подставлял плечо и делился водой и краюхой хлеба. Все те, кто сложил голову для чистого неба, потому хмурое чело Отца разглаживается, глядя на наши скромные потуги, морщины уходят. И это знак, что наши жизни не прошли напрасно и всё больше погожих дней прирастает в году. Наступят дни, когда наши дети или дети наших детей, а может быть, и ты, увидите полный рассвет и зелёные поля. Люд прекратит войны и распри, и начнётся новый Мир.

– А когда это случится? – спросил уже Я.

– Когда сгорят в очищающем огне все твари Орды и химеры, – зло ответил Брат, а Забава от тех слов вздрогнула. Значит, её близость – лишь притворство, а голова занята прежними мыслями о Звере.

– Местные называют этот град Северный Фронт, будто стоят на границе с Ордой, а

мы выше на Севере, там так, в гости заскочили. Слово грозное, а остальное сам увидишь. Смотри внимательно, тут много ссыльных с Юга, народ резкий и лихой. Хотя другие тут и не выдержали бы, – раздавал советы брат.

Сани вышли на хорошо утоптанную дорогу, что петляла между пристройками и вела к крепким воротам. Сами стены были из каменных блоков, а щели забиты и замазаны глиной. По обе стороны от ворот – башенки для стрелков и лучников. Ров хоть и не залит водой, но весь утыкан острогами и ежами. У ворот стояли два стражника и мытарь, что собирал мзду и выдавал ярлыки на право торговли на площади.

– О, Остап! Чего-то зачастил к нам. Седмицы не прошло, на торговлю приехал? Али извозом занялся?

– И то, и другое. Взял попутчиков, вместе и веселее, и спокойнее.

– А вы, четверо, с какой целью прибыли в наш славный град?

– Отдохнуть и отправляться опосля дальше на Север, – отозвался за всех ветеран.

– Какой Север? Выше нас только Орда и проклятые земли! – отозвался молодой стражник.

– Ты для меня – южанин, сынок, – с ухмылкой ответил Сет.

Стража тут же перехватила копьё длинным хватом и направила на нас.

– Назови своё имя! – крикнул мытарь, прячась за спины копьеносцев.

– Я – ветеран Северных пустошей, Брат Храма, Сет Однорукий. Со мной септ Бос Путевой и две особы под нашей дланью. Направляюсь с Юга на родину, – важно произнёс Храмовник, выпячивая грудь.

– Нам не велено пускать на Юг ваших. Мы должны предать вас смерти! – держа копьёцо в дрожащих руках, произнёс сторож ворот.

– Дурень, Я же сказал, что возвращаюсь в городище, а не иду на Юг. Где в твоём наказе есть то, что и на Север нельзя? – продолжал издеваться над горожанами Сет. – Пусти в град, а по утру Я отбуду в Югру.

Местные переглянулись между собой, мытарь пожал плечами. – Три чешуйки с каждого, монета с саней, – наконец-то определился с решением.

– Держи две монеты, да портки поменяйте, северяне... – рассмеялся ветеран и кинул деньгу. – Остап, трогай на торговую площадь. С меня ужин.

– Скажи мне, Сет. Ты передал весточку на Юг? – поинтересовался возникший.

– В Югре дам. Да и останемся мы там на пару дней, хоть и времени нет совсем. Пал Степанычу передавай важную весть. Я чую зло, что скопилось на Юге. И это не зверолюди и тёмные. Это что-то иное, неведомое мне. Потому и не находил себе места. Но полно говорить о плохом, время ужинать да славить богов о дарованном новом дне, – огорошил ответом Брат.

Мы подкатили к торжищу, на котором уже было пусто. Запоздавший торговый люд складывал свои пожитки да убирал лавки. Огороженный участок площади был отведён под телеги, сани и навесы для тягловых лошадей. Там же суетились молодые парни, что ухаживали за животными да стерегли загоны. Пока Остап пристраивал лошадку и сани, Брат Сет уверенно повёл нас в постоялый дом, расталкивая зазевавшихся прохожих.

– Запомни это день, Забава. Сегодня ты должна быть яркой и желанной: как себя подашь, такая участь тебя и ждёт. Здесь наши дорожки с тобой разойдутся. Я выбрал самый дорогой постоялый дом, чтобы Люд там был при деньгах, но даю тебе выбор. Ты можешь стать учителем хороших манер в Княжьем доме и жить при нём, или сыскать славу первой

Благородной, что добровольно пошла на Север для лучшей доли. Хах... Скажи кому, что свахой на закате лет заделался... Засмеют... В общем, решайся сейчас. Завтра мы уходим втроём... – на подъёме душевных сил поделился планами своими Храмовник.

А Княжну как пыльным мешком вдарили, её качнуло в сторону, и лишь моя поддержка позволила ей не упасть на грязные деревянные настилы. Так под руку Я и довёл её до трактира. Эх, жизнь дорожная, то кривая дорога, то постоянные дворы. Везде чужой, всюду гость. Без деньги хоть загибайся у ворот, краюху чёрствую не подадут. А с монетой – лучший друг, пока платишь. Всё-таки честны родоверы со своим правилом. Всё общее: и горе, и печали, радости и свершения. Никто не переступит через товарища или грязь, а общими силами делают свой мир чище и светлее.

– Есть и третий расклад: ты можешь вернуться с Остапом в Чёрный Дол и жить там. – тихо прошептал ей на ухо.

– И прозябать бесправной девкой, которую будут пользоваться все, кто смогут? А из личных вещей лишь нательное белье? Где мужей, как блох на бродячей собачине. Нет уж, Я попытаю удачу с богатым и успешным, чем так, – горделиво ответила мне Забава.

Затем отстранилась, резко вырвав руку, и пошла с высокоподнятой головой. Высокомерие и презрение прорвались через кротость и робость, что были с ней два удара сердца назад. Как же так легко Благородным получается менять маски? Меня как из ушата с ледяной водой окатили.

Что ж, её выбор, её жизнь. Я обещал ей подъёмные и топор, вот и всё приданое. Задумавшись, отстал от попутчиков, потому прибавил шаг, дабы не потеряться в новом незнакомом городе. Первый град, в который меня не заносят на руках в бессознательном состоянии.

– Куда прёшь, оборванец, – с угрозой произнёс верзила у дверей постоянного дома. Брат Сет аж опешил, затем склонил голову набок, разглядывая здоровяка. Криво улыбнувшись, засадил кулаком в кадык нахалу. Тот схватился за горло в тщетных попытках вдохнуть воздуха, затем покраснел и начал заваливаться набок. Храмовник наклонился над телом, вправил кадык и, потянув за ухо, что-то тихо зашептал.

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/4sn>